

Валентин Замятин

Тропой судьбы моей

Муниципальное казённое учреждение
«Сургутская районная централизованная библиотечная система»
Центральная районная библиотека им. Г. А. Пирожникова
Отдел краеведческой литературы и библиографии

Валентин Замятин

Тропой судьбы моей

Сборник стихов и очерков

Сургут
Екатеринбург
Уральский рабочий
2015

84(2Рос=Рус)6-5
З-26

Книга издана при финансовой поддержке депутата Думы ХМАО-Югры
Юрия Ивановича Важенина

Ответственный за выпуск
Составитель, куратор проекта
Литературный редактор
Художник
Дизайн обложки

О. А. Зырянова
Н. Р. Токмакова
Д. А. Сергеев
В. В. Ступников
С. Г. Машко

В издании использованы фотографии из архивов семьи В. П. Замятина,
ЦРБ им. Пирожникова, фотохудожника А. А. Бессмертных

Замятин В. Тропой судьбы моей : сборник стихов и очерков / МКУК
«СРЦБС», Центральная районная библиотека им. Г. А. Пирожникова, отдел
краеведческой литературы и библиографии ; сост. Н. Токмакова ; лит. ред.
Д. Сергеев ; худ. В. Ступников. – Сургут ; Екатеринбург : Уральский рабочий,
2015. – 160 с., ил., фот.

В стихах и очерках Валентина Петровича Замятина, уроженца села
Тундрино, почётного гражданина Сургутского района, – трепетная любовь
к родному краю и боль за гибнущую природу, суровая красота Приобья и
людей-созидателей, непростые моменты российской истории и воинская сла-
ва Отечества.

Для удобства пользователей краеведческий сборник снабжён библио-
графическими указателями: именовым, географическим и пояснительным сло-
варём старожильческих слов и выражений, к которому по тексту отсылает
знак*.

Издание будет интересно любителям поэзии, педагогам и краеведам,
школьникам и студентам, клубным и библиотечным работникам и всем, изу-
чающим историю родного северного края.

ISBN

Содержание

«В моих стихах костёр да ветер...»	6
«МЕЛЬКАЮТ В БЛИКАХ ПЛАМЕНИ ГОДА...»	7
Родимая земля	8
Заветный уголок	9
Сказание о Высоком Мысе	10
Под синим пологом лесов	12
У широкой реки	14
Первый пароход	15
Живи, фестиваль	16
Территория добра	17
Притяжение	18
Всегда ты с нами	19
Поэма об отце	20
Белый Яр	22
Старожилам Сургута	23
Маме	25
Обновление	26
Песня о нефтяниках	27
Город мой	28
А были мы такими молодыми...	29
Незабываемое	30
«КАКОЕ СЛОВО ГОРДОЕ – ПОБЕДА!»	31
Ты вернёшься	32
Память	33
Эти женские руки	34
Фронтовикам	35
Какое слово горькое – война!	36
Победители	37
Защитникам Отечества	37
День Победы	38
«О ЗАВЕТНОМ, О ВЕЧНОМ, О МИЛОМ...»	39
Женщинам Сургута	40
Когда приходит март	41
Весенние грёзы	41
Не бывает стихов без любви	42
«Ничто не ушло и не кануло в Лету...»	43
Ты играй, мой баян	43
Если мать провожает с улыбкой	44

Мамы, оставайтесь молодыми!	45
Раздумье	46
Почему?	47
Возле поля, у дороженьки	48
Другу	49
Чародейка	50
Ты гори, костёр, гори!	51
Человек	52
Ода железному другу	52
На плаву	54
Повело поплавок.....	56
Гурманы.....	57
«В сумраке ночном мыслей переплёт...»	58
«КРАСИВ МОЙ КРАЙ...»	59
Обь великая	60
Зима	62
Просветление	63
Весенний ветер	64
Весне навстречу	65
Музыка весны	66
Весенняя песня	66
Утро	67
Красив мой край...	68
Листопад	68
Бабье лето	69
Осенние дожди	70
ПЕСНИ ПЕЧАЛИ И БОЛИ	71
И позабыть мне не пристало...	72
Встреча	74
Памятник	74
«Знал парнишку я одного...»	75
Песня калмыка-переселенца	76
Русь моя	77
Мой край	78
Песня отчаянья	79
Пой, гармонь!	80
Что дано – то не отнимешь	81
Ушёл в далёкие урманы	82
Разговор	83

Очнись, страна...	84
Бесы	85
Покаяние	86
Лебедь режет крылом	87
Афган	88
Реквием репрессированным	89
Мы сегодня словно птицы.. ..	90
Жестокость	92
ПОСВЯЩЕНИЯ... ..	93
Слово о Бахилове	94
С юбилеем, Иван Егорович!	95
Удивительный человек	96
Фантаст и лирик	97
О многом людям ты поведал.. ..	98
Вы – пограничники	99
Так детство проходило.. ..	100
Помним	102
Певец Югры	103
Спасибо докторам!	104
«Первый сборник поэтов района...»	104
«Привет, библиотекари...»	105
Ода книге и библиотекарю	106
ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЩЁ ЛЕТАЕТ ВО СНЕ... ..	107
Наш город	108
Внуку	109
Маленькое чудо	110
День рождения	111
Радуга	112
Новогодний цирк	113
В лесу	114
ОЧЕРКИ	115
Тропой судьбы моей	116
«Гляжу в озёра синие...»	132
Матушка-церковь стоит... ..	145
Зори весенние незабытые	148
Огонь над Тром-Аганом	154
ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ	156
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	158
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	160

В моих стихах – костёр да ветер,
Река да старый отчий дом.
Я это сам давно заметил,
Но не умею о другом.

И день, и ночь кострами брежу,
Кедровым бором и рекой.
И не уйти мне к теме свежей,
Как не уйти к судьбе другой.

Прошу простить меня, читатель,
За узкий круг моих стихов.
Я – не поэт, а почитатель
Души забытых уголков.

«Мелькают в бликах
пламени года...»

РОДИМАЯ ЗЕМЛЯ

Немало я поездил, побродил,
Бывал в Кузбассе, в солнечной Кубани,
На Иссык-Куле горный воздух пил
И жарил осетров на Капчагае.

На море Чёрном знойной суеты
Я вынести не мог и две недели,
Казались мне бумажными цветы
И жестяные пальмы надоели.

В Америке, размахом оглушён,
За небоскрёбами не видел неба своды.
Плыл на пароме по реке Гудзон
Близ равнодушной статуи Свободы.

И в Вашингтоне тоже побывал
Вплоть до лужайки перед Белым домом.
Меня тогда за плечи обнимал
Друг-полисмен, потомок дяди Тома.

Был в Балтиморе, во Флориде был.
В волнах Атлантики омыл однажды ноги.
Я там, пожалуй, года б не прожил –
Всё снились бы «сибирские берлоги».

Опять войду в кедровый дивный бор,
Взгляну на Обь и на Курью в разливе,
Сквозь тальники* уеду в ближний сор*
И разведу костёр на старой гриве*.

Речной овеет свежестью лицо,
Подступит вдруг заветное такое,
Что перешло от дедов и отцов
И не даёт нам с юности покоя...

ЗАВЕТНЫЙ УГОЛОК

Здесь мы учились ездить в обласках*,
Гоняли уток в камышах озёрных
И на богатых тундринских песках*
Ловили окуней и щук проворных.

Ложились плавно травы на лугах
Под взмах литовки*, звонкой и певучей,
И все спешили завершить стога,
Когда ходили в грозном небе тучи.

Ударит в сердце яростный сполох*.
Растопит солнце серые туманы,
И вот он – мой священный уголок,
Где церковь белая и рядом с нею мама!

Здесь Тундрино – родимая земля.
Высокий Мыс... Знакомо всё и мило.
Не помню ночи и не помню дня,
Чтоб в этот край меня не поманило.

Домишки потемневшие глядят
На улицы, где раньше жизнь кипела.
Они, наверно, помнят тех ребят,
Чья молодость гуляла здесь и пела.

Горит костёр, и шепчутся кусты,
От трудных дум хотят меня избавить.
Уходят в дымку к прошлому мосты,
Где в синих берегах уснула память.

СКАЗАНИЕ О ВЫСОКОМ МЫСЕ

Исполнено всегда суровым смыслом
 Всё то, что испытать пришлось сердцам:
 Венчала власть крестьян с Высоким Мысом,
 Ломая жизни дедам и отцам.

На яр крутой, в кольцо лесов дремучих,
 В тридцатый год ссылали кулаков.
 Так называли тружеников лучших,
 Умелых и толковых мужиков.

Их много оставалось на погостах*,
 Когда везли насильно в край чужой.
 Их гнали дико, буднично и просто,
 Как гонят скот послушный на убой.

Дошли, добрались с муками и горем.
 Тайга да комары – и впору выть,
 Но человек наш русский так устроен,
 Что ни с каким на свете не сравнить.

Где лес шумел, поля раскорчевали
 Своим горбом, пилой и топором.
 Дневали в тех полях и ночевали
 И ждали – дальше всё пойдёт добром.

Но на Руси такого не бывало,
 Чтоб вдруг зажили люди хорошо.
 Опять «врагов народа» много стало,
 И на распыл опять народ пошёл.

Потом война. Как вынесли лишенья,
 Как с фронта ждали писем – не забыть!
 В глухом тылу ходили, как в сраженье,
 Готовить лес, пахать и неводить.

Здесь собрала тяжёлая година
 Калмыков, украинцев, молдаван.
 Нас всех беда сплотила воедино,
 И каждый всё для фронта отдавал.

Но и с Победой ссыльных не простили,
Их не простил великий наш кумир*.
И коменданты строгие следили,
Как жил мужик в колхозе «Новый мир».

За трудодни копейкой награждали,
И против ничего не смей сказать,
И паспорта совсем не выдавали,
Не разрешали с Мыса уезжать.

Всё лечит время, и унесут годы
Сырых землянок сумерки и чад.
Дивятся иноземные народы:
Их бьют – они по-прежнему стоят.

Другая нынче началась эпоха,
Но как бы крылья вновь не опалить!
Мы жить хотим нормально, а не плохо
И от души работать и любить.

Растёт посёлок, и придёт дорога.
И новый клуб уже недолго ждать,
А во дворах машин теперь так много,
Что не сумеешь сразу сосчитать.

К полям забытым тропы протоптали,
И церковь обновлённая живёт,
И новый мир, о нём отцы мечтали,
Быть может, вправду нас не обойдёт.

И Обь-река, что помнит год тридцатый,
Увидит не во сне, а наяву
Высокий Мыс – счастливый и богатый –
И улыбнётся в синюю волну!

Желаю вам, мои односельчане,
Во всех делах успехов и добра.
Пусть солнце жизни греет вас лучами
Теплей, чем раньше грело, чем вчера!

ПОД СИНИМ ПОЛОГОМ ЛЕСОВ

Мне счастье выпало родиться
Под синим пологом лесов,
Где в изобилие зверь и птица
Плодились, радуя ловцов.

Где с веток, тяжестью согнутых,
Кедр шишки стряхивал стеной,
Где в перевесы* стаи уток
Врывались раннею весной.

Где, рыбой полная до края,
Обь раздвигала берега,
Где жизнь бурлила молодая –
Всё память сердца сберегла.

Здесь песни пели так душевно!
И замирали небеса,
Когда в забвении волшебном,
Сливаясь,плыли голоса.

Ценили песню удалую,
Но больше всех сургутский гимн
Про занавесочку родную,
Про ту, что ветер шевелил.

Под песни в поле выходили,
Тянули дружно невода.
Играли свадьбы и любили,
И тут... обрушилась беда.

Всё испытали. Одолели.
Как горек был тот хлеб войны!
Мы всё отдали, что имели,
И никому мы не должны.

Потом пришла пора иная,
Когда, прервав извечный сон,
Река проснулась нефтяная,
И на дыбы восстал район.

Наш край непуганого зверя,
Исконно рыбный и лесной,
(Да разве в это кто поверит!)
Вдруг стал столицей нефтяной.

И песни новые в урманах*,
В стране тоскующих озёр
О голубой тайге, туманах
Запел бесстрашный фантазёр.

Взметнулись вышки буровые,
Дав жизнь посёлкам, городам.
Какие парни огневые,
Какие женщины крутые
Трудились с честью тут и там!

Желанней нет тебя и краше,
Моя родная сторона.
Ты вся в движенье, вся на марше,
И поступь гордая слышна.

Успехи наши так заметны!
Но ты, мой край, ты не забыл
О занавесочке заветной,
О той, что ветер шевелил?

У ШИРОКОЙ РЕКИ

(Песенный текст)

У широкой реки
 Бурям всем вопреки
 Небольшой наш посёлок живёт.
 Здесь в цветах каждый дом,
 И рябины кругом,
 И народ хорошо здесь поёт.

Посмотри в неба синь,
 Поле взглядом окинь,
 Свежим ветром речным подыши.
 Прогуляйся в бору
 Да постой на яру –
 И оставишь частичку души!

Здесь черёмуха цвет
 Сыплет гроздьями вслед –
 Нет обратно дороги-пути.
 Ведь не зря говорят:
 Лучше наших девчат
 И в районе во всём не найти!

В гости к нам заходи,
 Светлый клуб погляди –
 Ты красивых таких не видал!
 Под баян мы споём
 И немного нальём,
 Чтобы песню другим передал.

Припев:
 Подпевай, волна обская,
 Улетайте, чайки, ввысь!
 Лейся, песня, не смолкая,
 Про родной Высокий Мыс.

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

О, как мы ждали первый пароход!
Мы вглядывались вдаль до помрачения.
И совершался дивный переход
В неведомое раньше измерение.

«Свердлов», «Орджоникидзе» иль «Совет» –
Названья эти разве кто забудет!
И даже бремя промелькнувших лет
Ту память не погасит, не остудит.

Мы ждали пароход, как ждут весну,
С неистовою верой в обновление.
Вослед за льдом, взрывая тишину,
Он к нам являлся сказочным виденьем.

И вот деревня вся на берегу.
Ревёт гудок, прерывистый и низкий.
И пароход, споткнувшись на бегу,
С колёс отряхивает радужные брызги.

В весенних заводях кружатся облака.
Прощанья, встречи, обещания влюбленных...
Всё видит Обь – великая река –
И всё хранит в глубинах потаённых.

Одни уходят с берега в слезах,
Другие – в радости, дорог не разбирая.
А палуба колышется в платках,
За дальним мысом тихо исчезая.

Как хочется вернуть тот пароход,
Надежды светлые и юности дерзанья,
Но свыше нам дано идти вперёд,
А прошлое хранить в воспоминаньях.

ЖИВИ, ФЕСТИВАЛЬ

Над Мысом Высоким, над яром крутым
Плывут наши вольные песни.
Как души у бардов, те песни просты,
И нет их родней и чудесней.

Поляну окутала дымка костров
И белую ночь разметала.
Волнуется табор из ярких шатров,
Грустит и смеётся гитара.

Земля благодатная, славный народ
Встречают нас хлебом и солью.
Недаром так тянет сюда каждый год
С друзьями сойтись на приволье.

Здесь всякий открылся талантом своим,
Блеснул мастерством и манерой.
Мы часто такое на сцене творим,
Что жизнь не покажется серой!

Живи, фестиваль! Шире песенный круг!
Пусть звонче гитары играют!
Понятия старые – дружба и друг –
Здесь силу свою обретают.

ТЕРРИТОРИЯ ДОБРА

Из года в год слетаются к нам барды,
Чтоб в звонких песнях души расплескать.
Своим гостям мы бесконечно рады,
Готовы долго им рукоплескать!

Но мы и сами многое умеем,
Хотя от бардов отстаём слегка.
В частушках, песнях, танцах не робеем,
На нас никто не смотрит свысока.

Мы верим – поворот крутой случится,
Вновь поселенье наше оживёт.
И молодёжь в деревни возвратится,
И каждый дело по душе найдёт.

Уже готова новая дорога,
Когда-то школьный комплекс удивит,
А кто-то смелый пашню понемногу
И фермы непременно воскресит.

Здесь дышит всё природной чистотою –
Улыбки добрые и тёплый дым костра.
Наш уголок Земли вполне достоин
Названья «Территория добра»!

ПРИТЯЖЕНИЕ

Земля, продрогнув, корчится во сне,
В деревьях соки жизни леденеют,
Но дятел барабанит по сосне,
И косачи с вершин берёз глазуют.

Тут куропатка вычертила след
У краешка чащобы тальниковой,
А там зайчишка встретил свой рассвет
И, сделав петлю, спрятался толково.

Короткий, словно воробьиный скок,
Декабрьский день свечою догорает.
И, как на караул, в известный срок
Выходит месяц, ночь оберегая.

Певучий снег высвистывает марш
И вдруг смолкает на щемящей ноте.
Кричу я лесу, полю – ваш я, ваш!
Так что же вы меня не узнаете?

Присев у русской старенькой печи,
Сработанной ещё умельцем дедом,
Держу в ладонях алые лучи,
Чью теплоту давным-давно изведаль.

Мелькают в бликах пламени года
И лица тех, кого уж не увижу...
Забутые деревни, города
Становятся отчётливей и ближе.

Здесь, в северной заснеженной глуши,
Где мне когда-то довелось родиться,
Ещё мальчишкой твердо я решил,
Что в этот край нельзя не воротиться.

ВСЕГДА ТЫ С НАМИ

«Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле», –
Пропел Бернес когда-то песню в мае,
А ты ушёл в холодном феврале.

Сегодня сорок дней – обряд прощанья.
Приди, отец, и к нам поближе сядь.
Твоё мы помнить будем завещанье:
В согласие жить и слабым помогать.

Не поддавался ты судьбы ударам,
Навстречу людям сердце открывал.
«Среди долины ровныя» недаром
Своей любимой песней называл.

Ты видишь – все друзья твои собрались
Последней тризне* почести отдать.
Мы так однажды только собирались,
Когда деревней хоронили мать.

Ушли вы оба. Крылья подогнула
Болезнь века – дикая гроза.
Подрубленной берёзой мать уснула,
И ты ушёл за нею в небеса.

Друзей твоих – и пьющих, и непьющих
Не сосчитать. Они по всей стране.
И нет для них, по-разному живущих,
Тебя сегодня ближе и родней.

ПОЭМА ОБ ОТЦЕ

Там, где кедров дымкой голубою
Протянулись из конца в конец,
Где кружатся чайки над рекою,
В октябре родился мой отец.

По стране носился вихрь пожаров,
Гибли люди в яростной борьбе.
Помнил он расстрелы коммунаров,
Первых комсомольцев на селе.

Тьму рвала винтовочная вспышка,
Чья-то жизнь сгорала, как звезда,
И глядел, глядел в окно парнишка,
Чтоб запомнить это навсегда.

Рос в нужде, в семье большой и дружной.
Цену знал крестьянскому труду.
Грамоте учился ночью вьюжной
И решал задачи на стогу.

Устремлялась юность за мечтою.
«Что ж, езжай», – сказал отец-рыбак.
Вся в слезах махала мать рукою,
Сына провожая на рабфак.

Но пришлось домой вернуться скоро:
Год был трудный, год 37-й.
Без суда, без всякого разбора
Вдруг забрали деда под конвой.

Почему? За что? – мутился разум.
«Надо жить, сынок», – шептала мать.
Тяжко было... Но, поняв всё сразу,
Вслух убийц боялись называть.

Молодость всегда сильнее горя...
Радость в душу песнею вошла.
Затопила сердце, словно море,
И любовью нежной обожгла.

Уходили вместе на уроки,
Над Курьей бродили допоздна.
Ждали сына и считали сроки,
Выбирали лучше имена.

А когда грозой неотвратимой
Чёрной лавой хлынули враги,
Он сказал тогда своей любимой:
«Ты мне сына только сбереги!»

Постигал военную науку
Он в пехотном Омском без нытья,
Но опять беда пришла без стука,
Подвела проклятая статья –

Пятьдесят восьмая, по которой
Был расстрелян по доносу дед.
Вышел приговор суровый, скорый:
В шахты. И другой дороги нет.

Он писал, что уголь добывает,
Обгоняя норму раза в два,
Что родимый край не забывает,
Что к семье любовь его жива.

В аварийной шахте на Урале
Попадал не раз он под завал.
Но всегда друзья его спасали,
Как и он друзей своих спасал.

Всё Победа изменила круто,
Той Победы не было святей!
И светлее не было минуты,
Когда обнял он родных людей.

Снова школа, поиски, дерзання.
Мысль живую в детях он будил,
Чтобы добывать умели знания,
Чтобы каждый думал и творил.

Мы, отец, всегда тобой гордимся,
Жизнь свою мы строим по тебе.
Если в главном в нас ты повторился,
Будем благодарны мы судьбе!

БЕЛЫЙ ЯР

Белый Яр на обском берегу,
Кружат чайки в манящем просторе.
Ты мне дорог и в дождь, и в пургу,
Ты мне дорог и в счастье, и в горе.

Дышит имя твоё чистотой,
Есть в нём что-то до боли родное.
Будут годы лететь чередой –
Ты останешься юным со мною.

Здесь когда-то ступала нога
Молодого наследника трона.
Только пристань была да тайга
Посреди комариного звона.

Здесь в полнеба пылает заря,
Удивительно белые ночи,
И, наверно, назвали не зря
Белым Яром посёлок рабочий!

Здесь традиции верно хранят
И сердца нараспашку открыты:
Помнят подвиги павших солдат,
И герои труда не забыты.

Здесь так славно и звонко поют,
Льётся песня над Обью широкой,
И тогда замолкает Сургут,
Очарованный ей издалёка.

Здесь работают песне под стать,
С упоением и жарким задором.
Здесь не любят в труде отставать
И не терпят пустых разговоров.

Здесь хорошие люди везде,
Все судьбой и посёлком гордятся,
Никого не оставят в беде,
Вот такие они – белоярцы!

СТАРОЖИЛАМ СУРГУТА

Все из одной мы колыбели.
Нам мать – Сургутская земля.
Нам эти сосны, эти ели
И берега, где мы выросли,
Где жили, как одна семья,
Никак не позабыть, друзья!

Шумела Барская гора
В весёлых играх, хороводах,
А Сайма, чистая тогда,
Ласкала нас в упругих водах.

Гусей несчётных косяки,
Как тучи, небо закрывали,
И на весновку* мужики
Вперегонки к Оби бежали.

И всяк охотник и рыбак
Гордился доброю удачей.
Как жалок нынешний чудак,
Что дни свои влачит на даче!

Сургут уютен был и мал,
Весь в палисадниках с цветами.
И каждый всех в округе знал,
И все друг другу помогали.

Нет, не избыть воспоминаний
И ностальгии о былом.
Хоть много выпало страданий,
Жизнь больше помнится добром.

В стихах не принято, наверно,
Перечислять фамилий ряд,
Но и забыть о них неверно,
Нам это внуки не простят.

Щепёткин, Кушников, Кайдалов,
Захаров, Панкин, Кондаков,
Тетюцкий, Манин и Завьялов,
Малюгин и Проводников,
Тверетин, Кашин и Буканин,
Зырянов, Менщиков, Ольков...

Династий этих знаменитых
В веках остался добрый след.
Они поныне не забыты.
Им ни конца, ни края нет.

Грустят седые старожилы
За дружным праздничным столом.
Они недаром жизнь прожили,
Они недаром рвали жилы
Под Сталинградом и Орлом.

Они без жалоб в холод лютый
Не зря тянули невода.
И стела «Рыбакам Сургута...»
В их честь не зря возведена.

Хранит героев наша память,
Что с нефтяной пришли зарей.
И тех, кто ГРЭС сумел поставить
Над древней Марьиной горой.

Везде видны шаги саженьи.
Растёт наш город вширь и ввысь.
Но не уходит сожаленье,
Что не сумели в том кипенье
Воскликнуть: «Миг, остановись!»

Как жаль, что старого Сургута
Не сохранился уголок.
Так тянет, тянет почему-то
Взглянуть на кровный свой исток.

Нет, не уйдёт у нас в преданье,
Мы не из тех, чтоб забывать,
Как жил упрямый Показаньев
В своих неистовых дерзаньях
И смог эпоху воссоздать.

Как Пётр Мунарев старался,
Как старикам он помогал.
Он в списках общества остался.
Что сам когда-то основал.

Судьбой гордятся ветераны,
Не стоит только нас жалеть.
Ещё сбываться нашим планам,
И много песен надо спеть.

Над Обью-матушкой широкой
Ещё рассветы нам встречать
И в установленные сроки
Все юбилеи отмечать!

MAME

Укрывают тебя полога из туманов,
Одеяла снегов, синий бархат небес.
Ты на свете жила до обидного мало.
Всё нам снишься живой, только нету чудес.

Как ты нас берегла, а себя не жалела,
Вспоминаем сейчас у родного крыльца,
Как скрывала от всех, что опасно болела,
И работать ходила почти до конца.

Молча кедры хранят дорогую могилу,
Да старинная церковь, что рядом стоит,
Да Курья под горой, где нас плавать учила...
Помнит всё о тебе и забыть не велит.

ОБНОВЛЕНИЕ

В сердце древней забытой Югры
Он дремал и молчал до поры,
Но, разбуженный мощной рукой,
Вдруг взревел нефтяною рекой,
И, до самых краев потрясён,
Вновь родился Сургутский район!

Пламя тех легендарных годов
Не погаснет в преданьях веков.
Чтобы жилы земли отворить,
Надо было себя не щадить,
Научиться и верить, и ждать,
И всему вопреки побеждать!

Круто жизнь изменил новый день
Не узнаешь родных деревень!
К ним не тропы – дороги ведут,
В новых клубах задорно поют.
Новостройками полон район.
Это быль, это явь, а не сон!

Церковь белая, праздничный звон –
Это тоже Сургутский район.
Из покровов седой старины
Край шагнул в обновленье весны.
Сколько нужно ещё совершить,
Чтоб достойною жизнью зажечь!

ПЕСНЯ О НЕФТЯНИКАХ

Вам, нефтяники, песню мы сегодня поём,
Вы её заслужили нелёгким трудом.
Вы спасали Россию в дни тревог и забот.
Подвиг ваш не забудет благодарный народ!

Днём и ночью на вахте нефтяник стоит,
Древним золотом чёрным страну он поит.
На югорских просторах буровые гудят,
Здесь рабочие парни легенды творят.

Проверяла на прочность вас метельная мгла,
Только справиться с вами она не могла.
Лютый ветер порой обжигал горячо,
Но всегда вы готовы подставить плечо!

Где под северным небом у великой реки
Малый город когда-то возвели казаки,
Здесь живёт, молодеет нефтяной наш Сургут,
И дороги России все к Сургуту ведут.

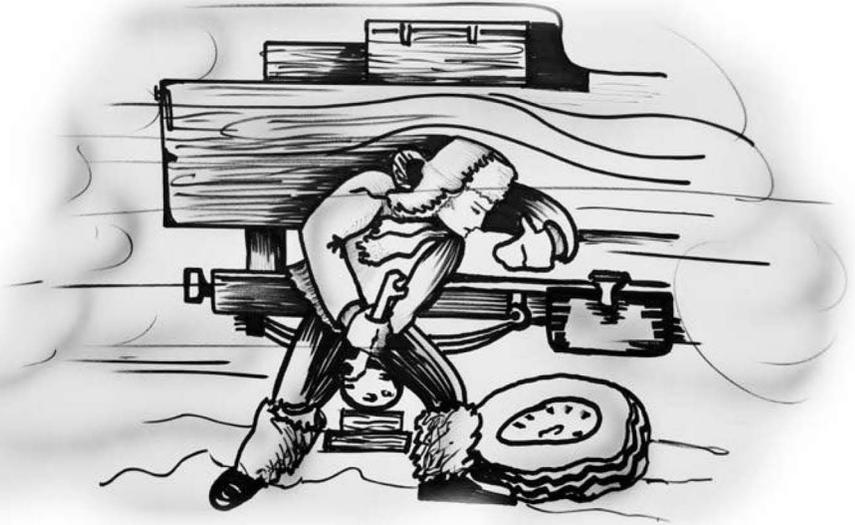

ГОРОД МОЙ

Мне город мой казался раньше ближе,
Хотя смотрелся ниже и бедней.
На много метров стал он нынче выше,
Но потерял в уютности своей.

Взлетели небоскрёбы в бесконечье,
Но звёзды из-за них не увидеть.
И путь, который называют Млечным,
При всём желанье мне не отыскать.

Но позабыв о старческом ворчанье
И воскресив картины давних лет,
Я в нынешнем сургутском многогранье
Встречаю ранний утренний рассвет.

А БЫЛИ МЫ ТАКИМИ МОЛОДЫМИ...

Ты помнишь, дождь хлестал как из ведра,
И впору было дальше плыть на лодке!
Ползли вперёд трудяги-трактора
По шаткой измочаленной лежнёвке*.

Летели траки* и рвались троса,
И кренились прицепы, замирая.
Черны, как черти, не узнать лица –
Мы руки в кровь в горячке обдирали.

Ты помнишь, как на первом бугорке
Мы встали под приметною рябиной.
Молчали парни, словно в столбняке,
Не в силах даже выйти из кабины.

Но ты поднялся, запалил костёр,
И все сошлись перекусить немного,
И крепкий чай глотали, как ликёр,
И трепетала нервами дорога.

А утром снова – к дальней буровой
По колее разъезженной и зыбкой.
Вновь рычаги послушны под рукой,
И места нет сомненью и ошибке.

И так прошли не день, не год, не два,
И те дороги в памяти остались.
Когда с тобою, отдохнув едва,
Мы в новый путь надолго отправлялись.

Ты помнишь, жёны ждали нас в балках,
А были мы такими молодыми!
При встречах их носили на руках
И трудно было расставаться с ними...

– О чём грустишь, скажи мне, старый друг,
И дети нас, и внуки уважают...
– Ты понимаешь, просыпаюсь вдруг,
А руки рычаги опять сжимают.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Кто не был в Ляминском бору,
Не гладил медь шершавых сосен,
Не мёрз на зорьках поутру
И не встречал на Ляме* осень,
Кто на сору* не весновал*,
Тот жизнь ещё не начинал.

Когда б убрать полсотни лет,
Вернуться в ляминскую юность,
Найти учительский свой след,
Чтоб сердце болью встрепенулось,
Как было б здорово тогда –
Остаться в школе навсегда!

Привет вам, ляминцы, поклон,
Грущу я, вспомнив ваши лица.
И, словно отдалённый сон,
Листаю памяти страницы.
Не все их время сберегло,
Но всё же многие спасло.

Пусть вам отчаянно везёт
В рыбалке и охоте,
Пусть год удачу принесёт
В семье и на работе.
Желаю искренних друзей
И только добрых ясных дней!

*«Какое слово
гордое – Победа!»*

ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ

Обнимал меня милый –
В небе звёзды всходили.
Целовал меня милый –
Птицы утро будили.

Пели ветры хмельные,
Жарко губы пылали,
Мы, от счастья шальные,
Обо всём забывали.

Только лютая стужа
Сердце вдруг опалила.
Молодого я мужа
На войну проводила.

Пароход спозаранку
Загудел у причала,
Заиграли «Славянку»;
И душа закричала:

– Я люблю тебя, милый,
И от пули укрою.
Ты, любовью хранимый,
Возвратишься из боя.

Снова ветры хмельные
Запоют, обжигая.
Твои губы шальные
Скажут: «Здравствуй, родная!»

ПАМЯТЬ

Кто видел бой не на экране,
Тому войну забыть нельзя, –
Так утверждают ветераны,
Мои старинные друзья.

Я их расспрашивал упорно,
Как вправду было на войне,
Не зная, как же это больно, –
Те годы пережить вдвойне!

Вновь пережить, как рвались мины,
Как друг израненный кричал...
Весь этот путь – кровавый, длинный,
Что нас победой увенчал.

Тревожит память неустанно,
Ей не подашь команду «стоп»!
Опять – ковыль на поле бранном
И танк, ползущий на окоп.

Всё меньше тех, что воевали,
И сердцем чувствую вину –
Мы им чего-то недодали,
Им, испытавшим ту войну!

ЭТИ ЖЕНСКИЕ РУКИ

Великим труженицам военных лет посвящается

Сколько вы испытали
В годы тяжкой войны!
И из нынешней дали
Те страдания видны.

Словно реки морщины
На руках и у глаз...
Бились с немцем мужчины,
Всё осталось на вас.

Лес вручную валили,
Надрывались в полях
И в обозы ходили,
Об одном лишь моля:

– Возвращайся, родимый,
Хоть какой, но живой!
Возвращайся, мой милый,
Ты с победой домой.

Помни Север наш дальний,
Где у быстрой Оби,
На заветной окраине
Поклялись мы в любви!

И любовью той верной
Согревались бойцы.
Шли на бой беспримерный
Сыновья и отцы...

Как же, мамы, сумели
Вы детишек спасти,
В той военной метели
От беды отвести!

Как везде успевали,
Разве можно понять!
Вы собой заслоняли
Нашу Родину-мать.

Разве можно наградой
Подвиг тот оценить?
Их бы в золоте надо,
Эти руки, отлить.

Эти женские руки –
Боль и грусть сквозь года...
Пусть запомнят их внуки
И гордятся всегда!

ФРОНТОВИКАМ

Обожгла, опалила
Ваши души война,
А на братских могилах
Вновь бушует весна.

Скоро будут берёзы
Зеленым-зелены.
Стынут алые розы
Посреди тишины.

Всё на миг замирает,
Лишь сердца не молчат,
И горит-догорает
В изголовье свеча.

Гладит солнечный ветер
Лица в жгучих слезах.
– Вы нам, други, ответьте,
Как вам там, в небесах?

За поля, за дубравы
Укатилась война,
И досталась вам слава,
Только слава одна.

Может, мы виноваты,
Что вернулись домой,
Что судьба нас когда-то
Разделила чертой?

Облаков караваны
В майском небе плывут.
В орденах ветераны
Разговоры ведут.

КАКОЕ СЛОВО ГОРЬКОЕ – ВОЙНА!

Вы уходили на войну.
Вас Обь родная провожала,
Вздыхала яростно волну
И плачем чаек горевала.

Как будто знала, что не все
С войны безжалостной вернутся,
Растают в огненной грозе,
И нити кровные порвутся.

Вы столько мук перенесли,
Прошли свинцовые метели,
Россию-Родину спасли
И молодыми поседели.

Над Обью ласковый рассвет
Рассыпал гроздьа золотые,
А у солдата сна всё нет,
Пред ним – дороги фронтовые.

Судьба солдатская трудна.
Солдату чудится тревога.
Когда ж проклятая война
Пройдёт, скажите ради бога!

Мы тех, кто голову сложил,
Храним под сердцем близко-близко.
А тем, кто смерть презрев, дожил,
Сегодня кланяемся низко.

Какое слово горькое – война.
Какое слово гордое – Победа!
Не взрыв и смерть, а мир и тишина.
Не вечный мрак, а ликование света.

ПОБЕДИТЕЛИ

Кого война не догнала в атаке,
Она потом всю жизнь их догоняла,
Под вражеские танки вновь швыряла
И ночью не давала глаз сомкнуть.

Живёт война – в огне, в кровавом мраке,
Из памяти, из сердца не уходит,
В израненных телах осколком бродит,
Насильно возвращая в страшный путь.

Но каждый год, в победный праздник Мая,
Вы гордо в поредевший строй встаёте,
Историей живую предстаёте,
Герои битвы с нечистью и злом!

А по Европе рыщет волчья стая,
Молодчики со свастикой гуляют,
И фюреров в вожди определяют,
И рвутся к власти – нагло, напролом...

Простите нас, простите, ветераны,
За то, что плохо бережём Победу,
За то, что ложь, беспамятства туманы
Готовят новые страдания и беды!

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

Много войн пережила Россия,
Побеждая грозного врага,
Никогда пощады не просила
И земли ни пяди не сдала.

Славит Русь защитников веками.
Подвиги героев будут жить!
Воины отчизны рядом с нами –
Кто служил и кто ушёл служить.

С праздником, отважные мужчины,
Верим, вы надёжны и сильны.
Не сумеет враг прорваться мимо
С чужеземной, вражьей стороны!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Был тёплый день, лучистый майский день,
И солнца шар переливался медный.
До наших до сибирских деревень
Донёлся из Москвы салют победный.

В Сургуте площадь до краёв полна,
Колышется, как Обь, в большом волнении:
– Победой кончена великая война,
И злобный враг повержен на колени!

Торжественно звучали те слова,
И в память они врезались поныне.
Склонилась в плаче юная вдова,
Смешалась радость с горечью полыни.

Объяття, танцы, пляски под баян.
И песни допоздна везде звенели.
От счастья и вина был всякий пьян,
Но кто был в горе – вовсе не пьянели.

Я помню: ликовал весенний день,
И солнца шар переливался медный,
Когда до наших дальних деревень
Донёлся из Москвы салют победный!

*«О заветном, о вечном,
о милom...»*

ЖЕНЩИНАМ СУРГУТА

Пусть судьбы капризной превратности
С зимней вьюгою уплывут.
Голубые весенние радости
Пусть вам песни свои споют.

Песни добрые, песни нежные,
Те, что хочется слышать вам.
О любви, словно Обь безбрежная,
Что вместить не дано словам.

В ночи лунные звёзды катятся,
И мечта спешит за мечтой.
Если дети во сне улыбаются,
В сердце матери – тёплый покой!

Всё проходит, но песнь колыбельная
Остаётся у нас навсегда.
Незабвенная, сокровенная,
Не стирают её года.

Вы сегодня такие счастливые,
Что готовы вот-вот взлететь.
Даже самые молчаливые
Соловьём бы могли запеть.

И глядим мы на вас в изумлении,
И способны одно шептать:
Это ж надо, такое творение
Мать-природа сумела создать!

Пусть вам вспомнится берег ласковый,
Трепет листьев над головой,
Луг цветущий, манящий сказкою,
Небо с дивною синевою.

Ароматом цветов овеена
И волненьем душа полна.
Позабыты обиды, сомнения,
На Сургут опустилась Весна.

КОГДА ПРИХОДИТ МАРТ

Март – не просто начало весны,
Он мужскую орбиту меняет,
И сбываются дивные сны –
В марте Женщина всем управляет.

Мир становится сразу иным,
Бесконечно уютным и чистым,
Вместо серого – ярким, цветным,
Из холодного – тёплым, лучистым.

И мужчин ни за что не узнать:
Носят тайну с задумчивым видом,
Всё для женщин готовы отдать,
Чтоб простили былые обиды.

В день весенний букеты дарят
Самым добрым и самым любимым.
И с сердцами сердца говорят
О заветном, о вечном и милом.

ВЕСЕННИЕ ГРЁЗЫ

Нет времени чудеснее весны,
Её бодрящего и нежного дыханья,
Ещё вчера вы были так грустны,
А нынче светитесь огнём очарованья!

Рождён весной День женских именин –
Такой весёлый, самый юный праздник.
Он ни с какими днями несравним
Из череды дежурных, самых разных.

Так утопайте, женщины, в цветах,
В любви и бесконечном понимании.
А всё, что вам привиделось в мечтах,
Пусть сразу воплощается в реалии.

НЕ БЫВАЕТ СТИХОВ БЕЗ ЛЮБВИ

Не пиши стихи, когда не любишь,
Выйдет стих, поверь мне, никакой!
Ты тогда в себе поэта губишь,
Оставляешь сердце за строкой.

Не пиши стихи, когда разлюбишь
Женщину с холодной красотой.
Не жалея – с другой счастливым будешь,
Озорной, весёлой и простой.

Не пиши о том, чего не знаешь,
И в угоду сильным не пиши.
Что уйдёт – навеки потеряешь,
Мыслью прежде рифмы дорожи!

Напиши стихи, когда полюбишь
Этот мир прекрасный и большой.
Нить стиха ничем не перерубишь,
Если выткан любящей душой.

Напиши стихи, когда полюбишь
Шёпот звёзд и лебединый зов.
Напиши стихи, когда разбудишь
Ранним утром таинство лесов.

Напиши стихи, когда полюбишь
Ту, чей образ в муках создавал.
Жар души годами не остудишь,
Коль любовь стихами воспевал!

Напиши стихи, когда услышишь
Первый крик и первый детский смех.
Чем живём и что дано нам свыше –
Не писать об этом просто грех!

Напиши, как Родина бунтует,
Разрывая узел вечных бед,
Как она и плачет, и ликует
В дни давно одержанных побед.

...Я пытаюсь следовать советам,
Но к стихам дороги нет прямой:
О зиме стихи приходят летом,
А о лете пишется зимой.

Ничто не ушло и не кануло в Лету –
Ни крик журавлей, ни дыхание полей.
Я встречи с друзьями, которых уж нету,
Вовек не забуду, до краешка дней.

ТЫ ИГРАЙ, МОЙ БАЯН

Вот и осень прошла, тихо грусть наплывает.
Плачет вьюга в ночи и по окнам стучит.
А баян мой поёт, о былом вспоминает,
Ты играй, мой баян, ты играй, не молчи!

Были дерзкими мы и в работе крутыми.
Шли в студёный рассвет по болотам и льдам.
Были молоды мы и остались такими:
Видно, наша душа неподвластна годам.

Где-то в южных краях, в благодатном покое
Мы бы жить не смогли без сибирской тайги.
Мы с тобою, товарищ, избрали другое,
Ты об этом, баян, рассказать помоги.

Песня жарким костром память лет озарила.
Здесь обрёл я друзей и для них я пою.
Если б новую жизнь нам судьба подарила,
Мы бы трудную жизнь повторили свою!

ЕСЛИ МАТЬ ПРОВОЖАЕТ С УЛЫБКОЙ

Я храню в своей памяти зыбкой
Старой песни припев дорогой:
Если мать провожает с улыбкой,
То с улыбкой вернёшься домой.

В час беды эта песня спасала,
Словно ангел-хранитель в ночи,
Погибающим силы давала,
Согревала, как солнца лучи.

Пел солдат, получая открытки.
Пел израненный весь, но живой:
Если мать провожает с улыбкой,
Сын с улыбкой вернётся домой.

И когда меня буря накрыла
Белым гребнем кипящей реки,
Эта песня мне жизнь подарила,
Сберегла всем смертям вопреки.

И когда в дни болезни суровой
Я у жизни стоял на краю,
Мне казалось, что снова и снова
Эту песню себе я пою.

Испытаний изведав с избытком,
Скажем вместе с тобою, друг мой:
Провожайте нас, мамы, с улыбкой,
Мы с улыбкой вернёмся домой!

МАМЫ, ОСТАВАЙТЕСЬ МОЛОДЫМИ!

Мама... Слово тёплое какое!
В нем любовь и нежность без конца,
Что-то в нем заложено такое,
Что с рождения греет нам сердца.

Мама – это ласковые руки,
Мудрые усталые глаза,
Их слеза туманит при разлуке,
А при встрече – радости слеза.

Мама – это добрая улыбка,
От неё уютно и легко.
Маме признаёмся мы в ошибках,
И беда уходит далеко.

Мамы, оставайтесь молодыми,
Жизнь без вас, как сумерки, грустна.
Только с вами, милыми, родными,
На душе – поющая весна!

РАЗДУМЬЕ

Дней ушедших тихое безмолвье
Не взорвётся огненным лучом.
Не присядет муза в изголовье,
Я не с нею нынче обручен.

Был одним из многих – подголоском,
Но судьбе за это не пенял.
И рекою плыл, и по закоскам*,
Но себе ни в чём не изменял.

Верен был всегда родному краю
И друзьям, что жили, что живут.
Пусть, как снег, стихи мои растают,
Ручейки не сразу пропадут.

Об одном прошу, о самом главном:
Земляки, храните дар небес –
Нашу Обь, что катит воды плавно,
Синь озёр, живой, поющий лес!

А всего важней – храните душу
В чистоте, без зависти и зла,
Чтоб она других умела слушать
И к другим на помощь бы звала!

ПОЧЕМУ?

Почему мы такие разные,
Сколько нас – столько разных мнений?
Мы друг с другом всегда не согласны,
Даже там, где и нет сомнений.

Восхищаясь денёчком погожим,
Первый вымолвит: «Как прекрасно!»,
А второй, чтоб не быть похожим,
Бросит резкое: «Как ненастно!»

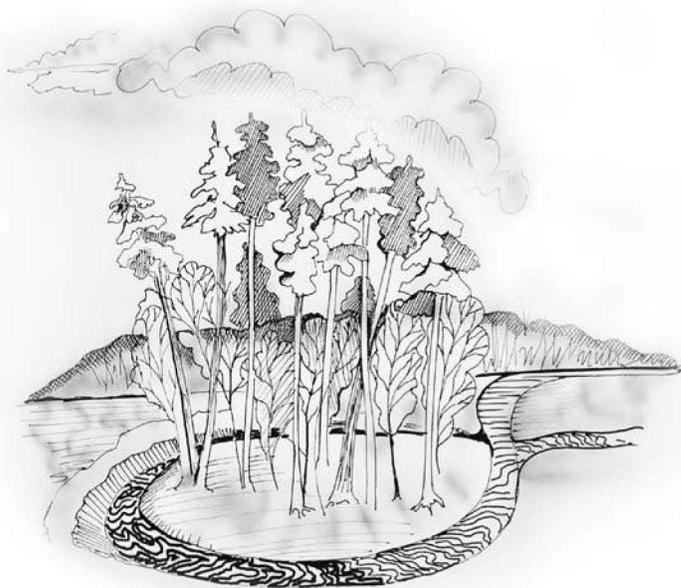
Ветку ёлки назвал я нежною,
Ведь была она так пушиста,
А сосед, сжав рукой небрежно,
Уколовшись, вскричал: «Ершиста!»

Часто, спорами обозлённые,
Разругавшись и в пух, и в прах,
Вновь встречаемся примирённые,
Вдруг поняв: каждый в чём-то прав!..

ВОЗЛЕ ПОЛЯ, У ДОРОЖЕНЬКИ

Поле строчками зелёными
В небо поутру глядится.
Бродят парочки влюблённые,
Всё не могут разлучиться.
Возле поля у дороженьки,
Где берёзовый колок*,
Парень с девушкой хорошенькой
Отыскали уголок.

Он отчаянно старается
К сердцу милую прижать,
А девчонка отбивается,
Смех не может удержать!
Поле строчками зелёными
В небо синее глядится,
А счастливые влюблённые
Всё не могут разлучиться!

ДРУГУ

Осень жизни тихо подкрадётся
Тёмной ночью или ясным днём,
Журавлиным клином обернётся,
Окропит серебряным дождём.

Подойдёт непрошеной, незваной,
Бросит листья жёлтые в окно.
Что там ждёт меня в дали туманной,
Много ль жить на свете суждено?

И душа смятенная возропщет:
Как же так? Ведь я ещё не жил!
В суете бездумной и всеобщей
Даже лучший стих свой не сложил.

Много нам отпущено иль мало,
Каждый призван стих свой завершить,
Мрачных мыслей сбросить покрывало
И живыми нитями расшить.

Ты не верь, что с возрастом тускнеют
Краски жизни, пламенных страстей.
Только те стремительно стареют,
Кто забыт и кто не ждёт вестей.

Потому, когда бывает больно,
Я спешу к тебе, мой старый друг.
Лишь с друзьями дышится привольно,
Утихают горести разлук.

Не беги, задумчивая осень,
Не роняй цветистый свой убор.
Я стихи писать ещё не бросил,
Я ещё не кончил разговор!

ЧАРОДЕЙКА

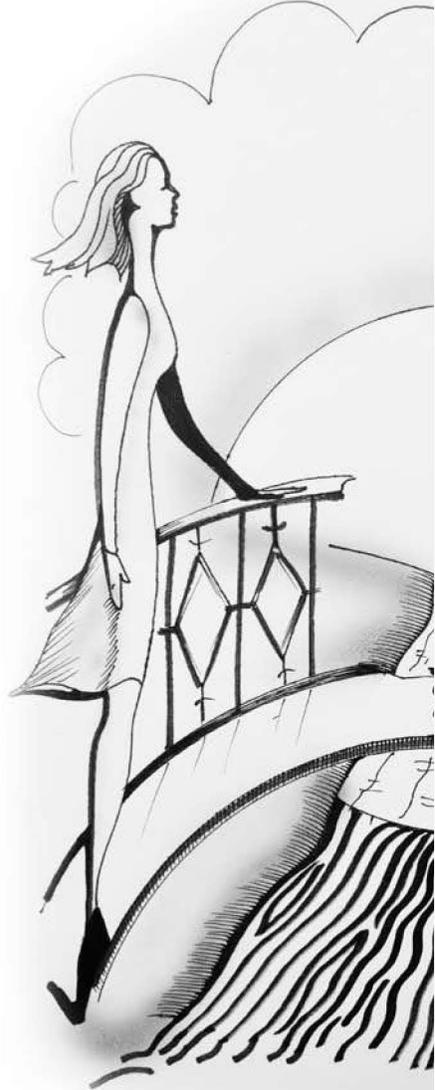
Сверкало солнышко, как рыбка,
И день стоял такой цветной!
А на твоих губах улыбка
Играла девичьей весной.

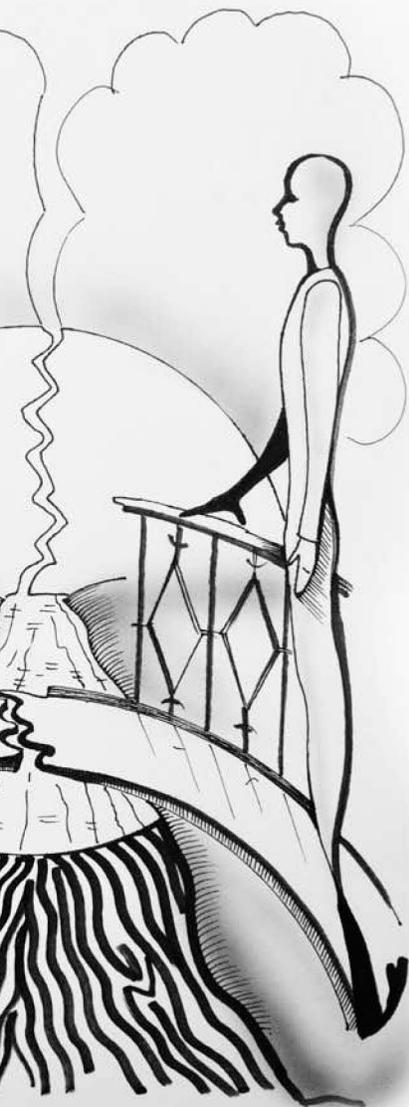
Любовь не просит разрешенья,
Куда пойти, кого любить.
И этой страсти наважденье
Нельзя ничем остановить!

Гулял по парку вешний ветер –
И обжигал, и целовал.
Мы забывали всё на свете,
Кипел вокруг девятый вал.

Сиял апрель. А у скамейки
Журчала талая вода:
– Светла весна вас чародейка
И не разлучит никогда.

Судьба иначе рассудила,
Ушла любимая навек.
И больно сердце защемило...
Держись. Не падай, человек!

ТЫ ГОРИ, КОСТЁР, ГОРИ!

Тихо с берега туман
В пелене крадётся,
Принакрыл рыбацкий стан
И в кустах разлётся.

Одиноко нынче мне
У родной протоки,
Словно птице в полынье,
Не взлетевшей к сроку.

Как же так произошло?
Нет со мной любимой.
Было счастье, да ушло
Навсегда, незримо.

Голос милой наяву
Слышу тёмной ночью.
Я его зову-зову,
Отвечать не хочет.

Ты гори, костёр, гори,
Может, легче станет.
Мы с тобой поговорим,
Вдруг тоска растает...

ЧЕЛОВЕК

Ах, как много в стране поэтов,
Что богатым хвалу поют!
Что строгоют для них сонеты
И над нищими слёзы льют.

Так и кормится век от века
Этих писарей жалкий рой,
Что достоинства человека
Измеряют его мощной.

А по мне – не в богатстве слава!
Дунь – и скроется без следа.
Лишь бы только жила держава,
А всё прочее – ерунда.

Пусть растает на белом свете
Страсть к наживе, как вешний снег,
Да останется при поэте
Званьё гордое – Человек!

ОДА ЖЕЛЕЗНОМУ ДРУГУ

К иномаркам нынче все привыкли,
Хвалятся, чья лучше: та иль эта.
Эх, забыли вы о мотоцикле
Под названьем чудным «Иж-Планета».

Так и слышу: «Ты уже не молод
И вступаешь в переходный цикл.
Несолидно деду в дождь и холод
Водружать себя на мотоцикл».

За деревню молча я уеду,
Газану, чтоб небу стало жарко!
Вольной птицей пролечу по следу.
Где на брюхо сядет иномарка.

Солнцем и цветами пахнут травы.
Зверь-мотор поёт, не умолкает.
«Мужики, ну как же вы не правы:
Лучше мотоцикла не бывает!»

Не беда, что дождиком промочит,
Обожжёт прохладой осенней.
Скорость, братцы, вижу я воочию,
Возвращаясь в юность на мгновение.

Мы немало тысяч километров
За спиной оставили, дружище.
Спорим, кто быстрее, с упрямым ветром,
Но никак ответа не отыщем.

НА ПЛАВУ

Братьям моим и всему рыбацкому племени посвящается

Чуть брезжит свет, мерцают бакена*.
Поёт мотор уверенно и звонко.
Глядим вперёд, стряхнув остатки сна,
Вот-вот она покажется – Пеньковка.

Песок* пеньковский рыбой знаменит,
Недаром над ведром колдует повар.
Большой костёр приветливо манит,
И далеко слышать весёлый говор.

Уткнувшись в берег длинной чередой,
Ждут часа своего рыбацьи лодки.
Проснулись чайки, реют над водой
И вниз несутся, точно по наводке.

Рыбоохрана за порядком бдит.
Уже и трап на берег переброшен.
На катере суровый страж стоит,
Испытанный в штормах, Шулинин Гоша.

Отметились, дождались, и ладья,
Задравши нос, на первый плав* рванулась,
И маленькая радость бытия
Души рыбацкой трепетно коснулась.

Бежит из рук капроновая вязь,
Гребец проворный вёслами сверкает.
И рыбаки, тайком благословясь,
С надеждой сеть в глубины опускают.

Стучат груза легонечко по дну,
И снасть идёт согласно всем уставам.
И вот уж по речному полотну
Другая лодка поплыла от стана.

Промчался катер, волны разводя,
И мы гребём, чтоб сети не скрутило.
Вздыхаем дружно, карчу* обходя,
Она для нас страшней нечистой силы.

В осеннем небе стынет тишина,
Лишь редко-редко крик гусей ворвётся.
Уж вежа на конце песка видна,
А шнур в руке ничуть не колыхнется.

Ура! Толчками фал* заговорил!
Ну, братцы, нам, наверно, подфартило!
– Хотя б один, – гребец мой попросил, –
Или пяток, ей-богу бы, хватило!

Миг торжества никак не наступал,
Всё дальше сеть в корму я выбираю.
Блеснуло серебром – муксун попал!
Ещё один – и пот я вытираю.

Окончен плав, довольны рыбаки,
Расслабились, по маленькой поддали.
А у костра толкуют старики –
Мол, раньше сотню за ночь добывали.

Иван Захаров, мудрый краевед,
Чему-то улыбается лукаво
И добавляет тем словам вослед:
«Какую сотню? Двести штук бывало!»

ПОВЕЛО ПОПЛАВОК...

*«Боги не засчитывают в счёт жизни время,
проведённое на рыбной ловле». Ассирийская мудрость*

Тайный мир рыбака
Не познать никому.
Знает только река,
Что открылась ему.

Повело поплавок –
Сердце дрогнуло в такт.
Снова сильный рывок –
И ликует рыбак.

За красавца-язя
И полжизни не жаль.
Или, может, друзья,
Я хватил через край?

Вот хитёр он и мудр.
Бьёт хвостом в тишине.
И горит перламутр
На его чешуе.

Что мне холод и снег,
Что мне ливень и мрак!
Я, как все, человек,
Но ещё и рыбак.

Счастье даже не в том,
Чтобы рыбу поймать.
Счастье вовсе в другом...
То не просто сказать.

В чистом лоне реки
Разбрелись облака,
И в росе тальники
Сторожат рыбака.

Тёплый дым от костра
Навевает покой.
Буду рад до утра
Слушать шёпот речной.

Много мудрых забав
Изобрёл человек.
Но рыбалку избрав,
Вы продлите свой век.

ГУРМАНЫ

Рыболову немного надо:
Добрый клёв да уха с дымком.
Нет на свете милей отрады,
Коль родился ты рыбаком.

Преет чай в закопчённой кружке.
Жизнь рыбацкая так проста!
На рогулинах подовушка*
Брызжет соками в жар костра.

Пусть завидуют нам гурманы,
Искушают свой тонкий вкус.
Вмиг забыли бы рестораны,
Нашей шуки отведав кус!

А какие бывают ночи...
Небо звёздное – всё твоё!
Испытайте, прошу вас очень,
Запоёт душа соловьём!

А какие горят рассветы,
Как сверкает речная гладь!
Чтоб рождались одни поэты,
Надо всем рыбаками стать!

В сумраке ночном мыслей переплёт
Словно в кинокадрах наплывает.
Скоро медсестра дежурная придёт,
Капельницу нудную поставит.

Мой сосед с тоской глядит в окно.
Каждый сам несёт свой крест и муки...
Надо только выполнить одно –
Взять себя в недрогнувшие руки.

И когда пробьёт последний час,
Мы о нём не ведаем, но просим –
Пусть судьба окажется для нас
Милосердной точкой без вопросов!

«Красив мой край...»

ОБЬ ВЕЛИКАЯ...

В дорогу зовёт голос робкий,
Туда, где играет заря.
Рискну в поэтической лодке
Уплыть в дорогие края.

Бескрайни речные просторы.
Безмерная в них глубина.
Здесь волны встают, словно горы.
Над ширью взмывая со дна.

Я знаю – шутить ты не любишь,
Суровая наша река.
Дерзнувших поспорить ты губишь
В науку другим смельчакам.

Бывало, тебя не понявший
Навек уходил в небеса,
Но снова, над гребнем поднявшись,
Мы гнали свои облака*.

Тянуло к тебе, как магнитом,
Пьянил терпкий запах речной,
И, воздухом свежим омыта,
Бежала душа за волной.

Уныла ты, Обь, и безлюдна, –
Поведали классики нам, –
Мол, серо здесь всё, неуютно,
И манит к другим берегам.

Я с ними ничуть не согласен,
Мне их никогда не понять:
Мой край так богат и прекрасен,
Что трудно с другими равнять!

Близки мне обские заливы,
Берёзы в поющей листве.
И стаи гусей говорливых,
Наверно, со мною в родстве.

Люблю тальниковые* чащи
В могучем раздолье реки,
Крик чаек, вольготно парящих,
Проток прихотливых витки.

Зелёных лесов окаёмы*
Из дымки плывут голубой.
Всё жизнью кипит неуёмной,
Подаренной Обью-рекой.

Мы плохо с тобой обходились,
Забыв про основу основ.
Какие стада здесь ходили
Из нельм, осетров, муксунов!

Когда невода стрежевые*
Тянули к песку* рыбаки,
Бурлили глубины живые,
Качались стеной плавники.

Для всех ты была колыбелью,
Кормилицей доброй слыла.
Раскинувшись мягкой постелью,
Плоты на себе ты несла.

Несла пароходов громады
И тысячи малых судов.
И все без ума были рады,
Когда ты вскрывалась от льдов.

Поила рассветы, закаты
И нянчила солнце в волнах...
Да, матушка-Обь, велика ты
И будешь великой в веках.

ЗИМА

Пришла зима. Морозной лёгкой дымкой
Окутала и небо, и поля,
Засыпала уснувшие тропинки,
И дивно белой стала вся земля.

Без передышки крепко припугнула:
Морозами под сорок обожгла,
Деревья в три погибели согнула,
Под крыши всё живое загнала.

Для северян метели – не помеха,
Морозами их тоже не проймёшь,
Хотя порою вовсе не до смеха,
Начнешь гадать – дойдёшь иль не дойдёшь.

Но и зимой бывают дни иные,
Когда мы всё готовы ей простить:
Вдруг потеплеет, и в края лесные
Потянет вас на лыжах побродить.

Стоят леса в пушистых белых лапах,
И хочется погладить нежный пух!
Мелькнула белка в веточках мохнатых
И, слившись с елью, обратилась в слух.

Бежит лыжня, и дышится глубоко,
Весною пахнет воздух неземной.
Но до весны так долго, так далёко...
Взгляни вокруг – как хорошо зимой!

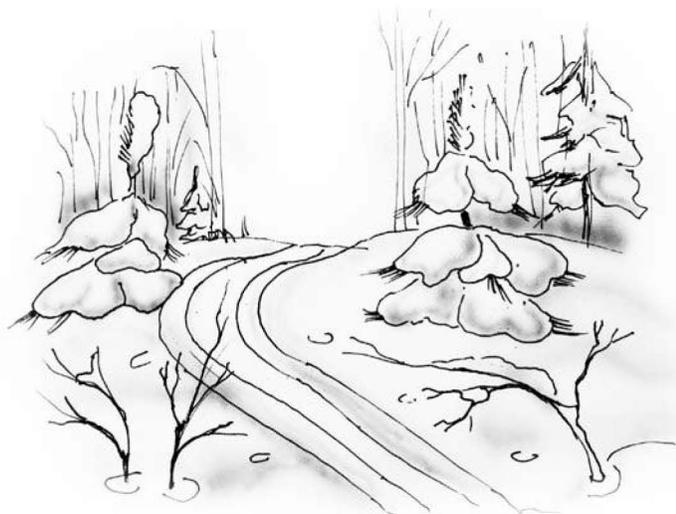
ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Как легко дышать в родном бору,
В кедраче, что полюбился с детства.
Охватите взглядом всю Югру –
Нет красивей тундринского места!

Здесь когда-то прадеды мои
Промышляли зверя на охоте,
Для рыбалки строили ладьи,
Славились всегда в любой работе.

Жизнь – такая штука, что порой
На душе в толпе бывает тесно.
И тогда знакомою тропой
Я брожу по тундринскому лесу.

Здесь живёт природы чистота,
Терпкий дух смолы бодрит и лечит,
Словно в юность с чистого листа,
Просветлённый, ты спешишь на встречу.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Пьянит меня весенний ветер,
Им надышаться не могу,
Едва в волнении заметил
Траву в подтаявшем снегу.

Проталин окна голубеют.
Берёзы крохотный росток
Вот-вот, стесняясь и робея,
Зелёный выпустит листок.

Звенит ручьями птичье пенье,
И первых уток табунки
В шальном ребяческом забвенье
Кругами ходят у реки.

В дрожащем мареве* волнами
Плывёт куда-то косогор.
Рыбак торопится с сетями
На разливающийся сор*.

И воздух, влагой напоенный,
Быстрее по жилам гонит кровь.
Брожу, как заново рождённый,
Весною полон до краёв.

А солнце золотом сверкает
Над белым куполом берёз,
И синий ветер увлекает
В страну давно забытых грёз.

ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ

Повсюду только грязь и лужи.
За что любить тебя, весна:
Один в депрессию погружен,
Другой – с давленьем занедужил,
А третий мается без сна.

Ворчат и злятся пессимисты,
С природой нет у них родства.
Попутал, видно, их нечистый.
Лишил таланта – мир лучистый
Понять в минуты торжества.

Пора стряхнуть оковы лени,
Проститься с зимнею тоской.
Уже в небесной карусели
Орут голодные халеи*
И тянут утки над рекой.

Какой восторг и изумленье
Вас в плен захватят навсегда
При виде грозного сраженья
Оби в могучем напряженье
С громадой яростного льда!

Я б вас увёл к заветным чащам,
Подальше с шумных площадей,
И показал в выси парящих,
В потоках солнечных скользящих
Над милым домом лебедей.

Ещё позвал бы поклониться
Берёзам – символу Руси,
Дал соку терпкого напиток,
Чтоб вновь с природой породниться
И ей сказать своё «Прости!»

МУЗЫКА ВЕСНЫ

Кедры гудят, что шаманские бубны,
Птицы поют, оглашая леса.
Лебеди с кличем проносятся трубным,
Крылья раскинули, как паруса.

Вот и пришло к нам короткое лето,
В северный край, где метели поют,
Но не найдёшь на огромной планете
Лучшего места, чем город Сургут.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Долго воют метели на родной параллели,
Когда северный ветер даже душу студит.
Мы за зиму, наверно, все чуть-чуть постарели,
Но дыханье весны нас опять молодит.

Как зубцы крепостные, пихт верхушки застыли.
И крадётся сквозь ветви долгожданный рассвет.
Я дрожу и волнуюсь в майской утренней стыни,
Словно вытянул нынче счастливый билет.

Что за чудо, за диво! У реки говорливой
Слушать крики гусей, журавлиных станиц.
Над обскою равниной, над осиновою гривой*,
Всё безумствует в небе, не зная границ.

И с душой окрылённой, с силой вновь обрётённой
Каждой клеткой вбираю обновленья приход.
В этом мире подлунном, до поры затаённо,
К краю отчему с детства любовь в нас живёт.

УТРО

Пришёл рассвет невиданной красоты,
Ворвался в мир и изменил всё разом.
Блеснуло солнце в капельках росы,
И тысячи зеркал упали наземь.

В лесных вершинах ветер зашумел,
И полога туманов укатились.
Призывно птичий голос зазвенел,
И травы над рекой разговорились.

У заводи*, в местечке потайном,
Сидит рыбак, забыв о давней страсти.
Рассветом опоённый, как вином,
Дитя природы, он над ней не властен.

Играет рыба, плещет и бурлит,
Свечой взмывает солнышку навстречу...
Костёр забытый скоро догорит.
Всё преходяще. Миг рассвета вечен.

КРАСИВ МОЙ КРАЙ...

Разгульный ветер шляется в лесах,
Рвёт полог листьев, кроны обнажая,
И рощи-яхты в пёстрых парусах,
Покачиваясь, лето провожают.

Раскинув руки, выйду на бугор,
Взгляну на луг заречный со стогами,
Пойму пролётный птичий разговор,
Наполненный прощальными словами.

Красив мой край осеннею порой –
Немного грустный, нежно утончённый.
Разлит в природе пушкинский настрой,
Родивший стих, никем не превзойдённый.

И я опять в волнении шепчу
В небесную сентябрьскую просинь:
Склоняюсь перед Вами и молчу,
Вы, Пушкин, первым нас влюбили в осень!

ЛИСТОПАД

Гляньте, глаз не оторвёте:
Рой колыхнется цветной.
Он, как бабочки в полёте,
Вьётся в пляске озорной.

Листьев жёлтых и пурпурных
Надо мной круговорот.
Это осень в рощах шумных
Завершает свой обход.

Откурлычет журавлями,
Землю влагой напоит,
Над уснувшими полями
Отпыляет-отгорит.

Праздник радужный и нежный
Птицы к югу унесут,
И надолго белоснежным
Станет наш родной Сургут.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето – лучшая пора
Оглянуться в сутолоке вечной,
Ни тебе мошки, ни комара,
Жалко, что оно так скоротечно!

Светятся прозрачные леса,
Дремлет невидимка-паутина.
Смолкли птиц живые голоса,
Пламенеет гроздьями рябина.

Замерли высокие стога
За деревней пёстрой вереницей.
Тёмной ночью падают в луга
Грозами рождённые зарницы.

На земле, куда ни посмотри,
Радужным лоскутным одеялом
Осень всеми красками горит,
Красотой живущих наделяя.

Самых ярких листьев наберу,
Положу их в книжку со стихами:
Бабье лето я зимой верну,
Когда мир укроется снегами.

ОСЕННИЕ ДОЖДИ

Дожди, дожди... Хоть в доску расшибись,
Ничем тоски осенней не разгонишь.
В который раз кричу дождю: «Уймись!»
Но он упрям, его не остановишь.

Илья-пророк мне страшно надоел,
Опять грохочет в небе колесницей.
И я сегодня, кажется, созрел,
Чтобы ему в колеса вставить спицу.

Земля сырая влагу не берёт,
И ей давно уже ничто не мило,
А дождь безумный снова льёт и льёт,
Как будто небо почки застудило!

Веду строку разгневанным пером,
А вдруг да чудо всё-таки случится?
И вот свершилось: затихает гром
И за окном поют, как прежде, птицы.

Блеснуло солнце в просини небес,
Дождём омытый сад благоухает.
Уходит из души унылый бес,
А я иду за новыми стихами!

Песни печали и боли

И ПОЗАБЫТЬ МНЕ НЕ ПРИСТАЛО...

Они лежат передо мной,
Корявым почерком написаны,
Лежат нетронутой стопой,
Безмерной злобою пронизаны.

Давно мне почерк тот знаком
По буквам, влево перекошенным.
Суров был сталинский закон,
И меры были... «как положено».

Доносов жертв не сосчитать,
Они с войной одной сравнимы.
Могли бы многое сказать
Нам безымянные могилы.

...Невелика деревня Тундрино,
Где церковь дремлет в вышине.
Безвинно люди здесь загублены
В жестоком классовом огне.

Нет! Позабыть мне не пристало,
За что так много их пропало –
Известных краю рыбаков,
Сибирских, крепких мужиков.

Проста методика доноса:
Нет фактов – фактики найдутся.
Свалить под силу им колосса,
И гаснут жизни – нервы рвутся.

(Конечно, истина проснётся,
Когда полвека пронесётся.)

Жива отрывка тех времён,
Богатых компроматом,
Хоть анонимщик заклеймён,
И верим только фактам.

Уж так нежны мы с анонимом,
Уж так Фемида боязлива,
Когда под мерзкой маской грима
Его мы ощущаем зримо.

Меня одна волнует тема,
Читатель, вдумайся и ты:
Ну почему в героях Брема
Гораздо больше доброты?!

Отцам своё уже воздали.
На прошлом – только чёрный цвет.
Теперь идём в иные дали,
В какие? Трудно дать ответ.

Легко судить с высокой кручи,
А может, взглянем на себя?
А мы намного стали лучше,
Других ругая и кляня?

Наивен я в своей надежде:
Изменят что-то, мол, стихи,
Но только жить нельзя, как прежде,
Придёт расплата за грехи.

Отбросив зависть, самомненье,
Презрев мирскую суету,
Забыв немое отчужденье,
Вернём былую чистоту!

Тогда исчезнут анонимы,
Когда сумеем стать иными.
Есть у любого поколенья
Творить добро – предназначенье.

ВСТРЕЧА

Будет май... Уплыву я в рассветы-закаты,
Посижу у крыльца на зелёном муру*,
Вспомню песни, звеневшие в доме когда-то,
И дороги из детства в манящем кедровом бору.

В деревенскую церковь, что лебедью белой
Величаво плывёт и грустит в вышине,
Я войду и покаюсь в грехах, что содеял,
За покой и во здравие свечи зажгу в тишине.

Отчего же друзей моих мало осталось –
Уместятся теперь за обычным столом.
Видно, крепко беда их до сердца достала:
Кто тянул за двоих, кто в житейский попал бурелом.

Опустели родные леса и озёра.
Словно вымерло всё... Зарастают поля.
Бесконечно пустые идут разговоры,
И бесплодно лежит не рожавшая долго земля.

ПАМЯТНИК

Стоял раньше в округе памятник старый
Из труб на болотце, поросшем травой.
А рядышком щит – потемневший, усталый,
На нём имена павших страшной зимой.

Читаю, а сердце так бешено бьётся.
Фамилии, сёла, день, месяц... Не верь!
Когда ж этот список кровавый прервётся,
Но он предо мною встанет и теперь!

Белею, как мел, и за щит я хватаюсь,
Хочу поклониться, но вдруг упаду.
Гляжу неотрывно и тут спотыкаюсь,
Прости меня, дед, как я долго иду!

Знал парнишку я одного –
Был, как все, только чуть ранимеей.
Был, как все, только чуть уязвимеей.
Как сейчас я вижу его.

Он однажды попал в беду –
Дрянь насильно ему вкололи.
А потом жизнь пошла в бреду,
Мать забыл и забыл о школе.

Нет на свете страшнее страсти.
Как мучительно он страдал!
Кто сегодня на гребне власти,
Вам его бы я показал.

Хоть какую мы боль яви,
Помощь вся в словесах утонет.
Вновь Россия сошла с колеи,
Но кого-нибудь это тронет?

Безнаказанно бродит смерть,
Всюду сеет свою отраву,
Сколько можно ещё терпеть,
Ждать, покуда найдут управу?!

Посмотри: вся страна в крестах.
На крестах – молодые лица.
Неужель на могильных пластах
Так и будем молчать и молиться?

Или вправду таков наш удел –
Ждать конца и не бить тревогу,
Чтоб последнего парня отпел
В церкви батюшка на дорогу?

Если больше любой войны
Косят жизни наркобароны,
Значит, хватит пустой болтовни,
Значит, надо менять законы!

ПЕСНЯ КАЛМЫКА-ПЕРЕСЕЛЕНЦА

Не горят глаза огнями
У бывалого коня,
А давно ли он лугами
Кобылиц лихих гонял!

Гривы в небо улетали,
Ноздри свежий ветер рвал,
Табуны задорно ржали,
Чуя свадебный угар.

Степь упругая дышала,
Вдруг рысак закрыл свой взор...
Грива веером упала
На тюльпановый ковёр.

Ночь стоял табун печальный,
Провожая жожака,
Лишь к рассвету с тихим ржаньем
Растворился в облаках.

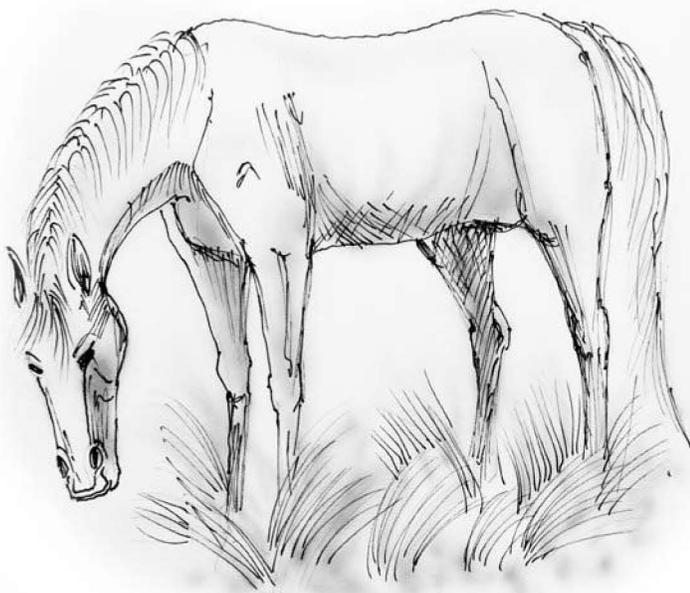
Сердце ссыльному калмыку
Всё поведало в пургу.
Спел он песню, коней кликнул
И... остался на снегу.

РУСЬ МОЯ

Падает хлопьями пена с боков
Загнанных в снег рысаков.
Брызгает с губ из-под жёстких оков
Под ноги алая кровь.

Темень густеет, и вьюга ревёт.
Кнут беспощадно сечёт.
Кони устали – ни шагу вперёд,
Кто им дорогу найдёт?

Русь моя, как же тебе нелегко,
Что за напастью напасть!
Светят огни далеко-далеко,
Только б дойти, не упасть!

МОЙ КРАЙ

Край, где царствуют белые ночи,
Где заря обнимает зарю,
Край суровый мой, край рабочий,
Я от сердца с тобой говорю.

Мы открыли глубин кладовые,
Чтобы черпать могучей рукой
Все богатства твои вековые
Для страны, потерявшей покой.

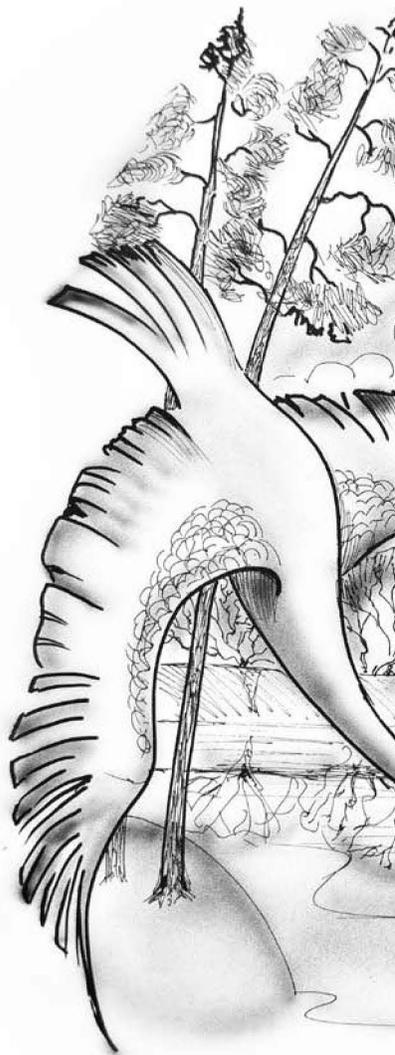
Платят люди за щедрость добром,
Но иным мир живой непонятен.
И воют с тайгой, как с врагом,
Покорители «белых» пятен.

Кедры жгут, разливают нефть,
Злой гусениц ягель терзают,
Оставляют разор и смерть
Всюду, где их нога ступает.

Ты доверчив и ласков, мой край,
Как доверчивы лебеди белые.
Будь таким же, не умирай!
Люди добрые, что мы делаем?

Отчего вдруг такая грусть
В криках птиц и глазах оленьих?
Я об этом сказать страшусь:
Ждут от нас они избавления.

Не без роду мы, не без племени,
Нет у жизни людской конца,
Что оставим другим поколениям,
Что получит сын от отца?!

ПЕСНЯ ОТЧАЯНЬЯ

На белом ягеле брусника алая.
Природой сотканный лежит ковёр.
Зашла в тупик тропа моя усталая,
Сжигает грудь пылающий костёр.

Тушу его – он ярче разгорается,
И нету сил огонь остановить.
А может, это жизнь моя кончается
И время к «верхним людям» уходит!

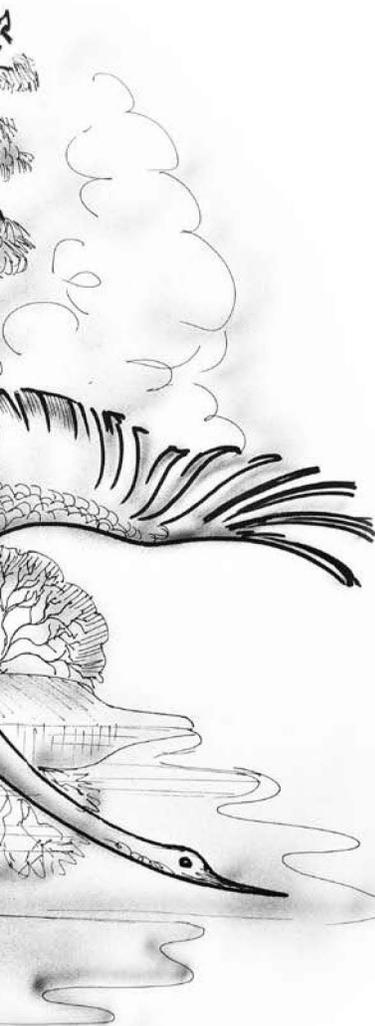
Зачем мне жить, когда тайга безмолвная,
Когда река застывшая пуста,
Когда кружатся в небе птицы чёрные,
Покрыты пеплом отчие места.

Никто уже к руке моей не клонится,
Не говорит мне самых нежных слов.
О господи, когда же это кончится –
Гул буровых да пляска факелов.

Мы были все по-своему поэтами.
Любили мы поющую тайгу,
Спешили за весенними рассветами,
И вдруг... остановились на бегу.

Где кочевали мы путями древними,
Где мать-земля к нам щедрою была,
Где мы неслись упряжками оленьими,
Чужая трасса жизни пролегла.

На белом ягеле брусника алая.
Природой сотканный лежит ковёр.
Зашла в тупик тропа моя усталая.
Сжигает грудь пылающий костёр.

ПОЙ, ГАРМОНЬ!

Жил Иван, себя не жалея,
Всё отдал для родной страны,
А теперь наскребает еле
На рубашку да на штаны.

Жил ни шатко Иван, ни валко,
Лихо трактор в полях водил.
Хоть и было порой несладко,
Но с концами концы сводил.

А потом, как Мамай промчался,
Развалился родной совхоз.
И без дела Иван остался,
Словно брошенный старый пёс.

Сколько раз его обманули!
Что скопил – обратили в прах.
Показали Ивану дулю
И оставили в сердце страх.

До земли покосилась крыша,
Видно, рухнет изба вот-вот,
И увидит ударник* бывший
В ясных звёздах небесный свод.

Нынче он под родным окошком
Любит старые кости греть.
И скулит под рукой гармошка,
Не даёт душе помереть.

Хорошо идёт перестройка:
На обмане дворцы растут,
Процветает мошенник бойкий,
А Иваны гармони рвут!

И опять заседают Дума –
Что с Ивана ещё содрать?
Может, скоро с печного дыма
Умудрятся налоги брать!

ЧТО ДАНО – ТО НЕ ОТНИМЕШЬ

Почему-то сплошь и рядом,
Став начальником большим,
Человек меняет взгляды,
Вмиг становится «крутым».

Он и голосом играет,
Извлекая властный тон.
Говорит, как изрекает,
Новомодный Цицерон.

Тем, кто раньше с ним был ровень,
С кем делил рабочий хлеб,
Лишь кивнёт, нахмутив брови,
И проходит, глух и слеп.

И походку он меняет.
Ходит важно, как павлин.
Уж не смотрит, а взирает,
В худшем смысле – господин.

Он в глазах своих всё выше:
Сам – судья и сам – закон.
Кто под ним – всё ниже, ниже,
Их в упор не видит он.

Что дано – то не отнимешь.
Коль умён – так уж умён.
Вряд ли тем поможет имидж,
Кто талантом обойдён.

Есть Солохин, был Бахиллов –
О таких идёт молва.
С ними мудрость, с ними сила,
А не громкие слова.

Было больше бы таких,
Не родился б этот стих!

УШЁЛ В ДАЛЁКИЕ УРМАНЫ...

(Раздумья старого ханты)

Олени жмутся в полумраке,
Тревогу чую сквозь пургу, –
Опять, как в яростной атаке,
Крушат бульдозеры тайгу.

Над ветхим чумом* сосны гнутся.
По нервам бьёт собачий вой.
А в душу ветры злые рвутся,
Но я пока ещё живой.

Ушёл в далёкие урманы*,
Чтоб жить законами отцов,
Чтоб тихо плавали туманы,
Кипела рыба у котцов*.

Нас на земле осталось мало,
Однако скоро все умрут.
Куда нас только не кидало,
Везде нефтяники найдут.

Все речки наши закопали,
Погибла рыба, нет зверья.
Не для того мы вас позвали,
Чтоб пухла с голоду семья.

Придём мы скоро к океану.
А дальше? Кончились пути.
Судьба моя – сплошная рана.
Исхода нет. Куда пойти?

Очнитесь, люди! Разве ханты
Не сыновья родной земли?
Есть и у нас свои таланты.
Они бы многое смогли.

Спасите, что ещё осталось,
Приди, заступник и борец!
Поймите, то, что с нами случилось,
Постигнет всех. Тогда... конец.

РАЗГОВОР

– Ты мне ответь, весёлая душа,
Куда бежишь без мысли, без гроша?
Как ты дошёл до жизни до такой?
А он махнул трясущейся рукой.

– Чего пристал? Всё было у меня:
Квартира и работа, и семья.
По-новому вверху решили жить,
А старое под корень сокрушить.

Завод закрыли. С горя я запил,
Жалели – инженером добрым был.
Работу не нашёл. Кантуюсь здесь.
Одно желанье: выпить да поесть.

Добавил, помолчав: «В стране родной
Изгоем нищим может стать любой,
А кто до нитки обобрал народ,
С продажной властью делит свой доход».

Он люк с трудом в берлогу отворил,
Лицо землисто-серое скривил.
Зияя чернотой, дышал провал,
А рядом сытый голубь ворковал.

Одни – на дне. Другие – на коне.
Одни – внизу. Другие – в вышине.
А третьи, словно слуги на пиру,
Приставленные к барскому двору!

ОЧНИСЬ, СТРАНА...

Безвозвратно ушло, укатилось
Прожитое в туманную мглу.
Люди, люди, что с нами случилось!
Где ворота открыли мы злу?

Кружит вороном молох* наживы,
И никак нам беды не избыть.
Для того ли на свете мы жили,
Чтоб на всё наплевать и забыть?

Чтобы по миру с нищей сумою
На коленях подачки просить?
Что же стало с моею страной?
Разве можно такое простить!

«Господа» понабили карманы,
Как бандиты с дороги большой.
Их богатства – на лжи и обмане,
Нет им дела до боли людской.

Лезет кверху сановная мразь.
Золотого тельца им мало...
Им бы властью натешиться всласть,
Чтоб страна вся к ногам их упала.

Ты могуча, родная Россия,
Сбрось ярмо подлецов и воров!
Будешь снова сиять горделиво,
Как сияла – во веки веков.

БЕСЫ

То заплачет, то засмеётся,
То у края скалы очнётся
И в ритмическом диком танце
Снова к бездне в восторге рвётся.

Он от смерти в опасной близи,
Может, зомби, а может, шизик.
Или стали мы все такими,
И не жалко нам больше жизни?

По Земле плывёт наваждение –
У дурмана нет снисхождения.
Гибнут парни, девчонки юные,
Опоённые, неразумные.

Помоги, Господь! Дальше жить невмочь!
Пусть уходит зло невооружённо в ночь!

ПОКАЯНИЕ

Под берёзами, в дремлющих травах,
Притаилась желанная сень.
В тихом шёпоте листьев усталых
Слышу голос родных деревень.

Я в траву с головой заруюсь.
Припаду я ничком к земле.
Самой чистой росой умоюсь
И покаюсь в своей вине.

Юность верит в мечты и грёзы,
И под рёв пароходных гудков,
Под мельканье платков и слёзы
Уплывали мы в шум городов.

Уплывали, как убегали,
И сжималось сердце в комок,
Словно что-то святое предали,
Что с рожденья вложил в нас Бог.

А деревни пустели и гасли,
Покрывались бурьян-травой.
Проклинали они не нас ли,
И не нас ли звали домой?

Ты прости меня, бор кедровый,
Речка синяя, поле – прости!
К вам вернулся я нынче снова
Покаянье своё принести.

ЛЕБЕДЬ РЕЖЕТ КРЫЛОМ

Молвил сыну отец:
«Кто убьёт лебедей,
Ждёт печальный конец
Этих грешных людей.

Иль случится беда
С кем-то близким, родным.
Не стреляй никогда,
Закажи всем другим».

Сын ответил отцу:
«Твои речи, как дым.
Верить мне не к лицу
Предрассудкам твоим».

И однажды весной,
Когда мир ещё спал,
Грянул выстрел шальной,
Белый лебедь упал.

Шли недолго года,
Плыл охотник рекой.
Вдруг сомкнулась вода
Над его головой.

Лебедь режет крылом
Неба синюю гладь,
А над скорбным холмом
Наклоняется мать.

АФГАН

Исповедь друга

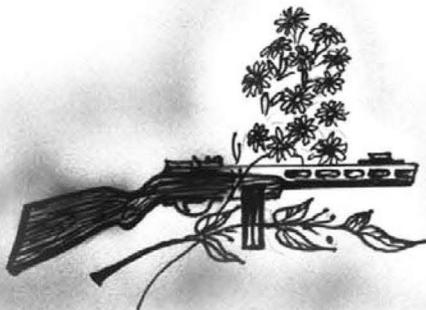
В последнем поклоне пригнулись деревья,
И дрогнуло небо в раскатах грозы:
С мальчишкой-солдатом прощалась деревня,
Не пряча горячей бегущей слезы...

И что мы забыли в краю полудиком,
Средь гор, кишлаков, ненавидящих глаз!
Взрываюсь я в гневе отчаянным криком –
Кто павшим ответит, кто вспомнит о нас?

Песок, прокалённый безумным светилом,
Ползёт под ногами, хрустит на зубах,
Там много из нашего взвода убило,
Там кровью и порохом воздух пропах.

А может, не зря мы тогда воевали,
Быть может, России спасали мы честь?
И это не нас под огнём забывали?
Эх, сколько тех «может», не счесть-перечесть...

Помянем же, брат мой, ушедших в безмолвье,
Для каждого доброе слово найдём,
Поставим цветы у друзей в изголовье,
Бессонное «может» из фляжки зальём.

РЕКВИЕМ РЕПРЕССИРОВАННЫМ

В годы тридцатые, в годы проклятые
Сколько безвинных погибло людей!
В муках застывшие, словно распятия,
Не сосчитать их до нынешних дней.

Власть их врагами клеймила народными,
Каждому свой указала предел.
Тех – в лагеря, на работы тяжёлые,
Этих немедля пустить на расстрел.

Всех раскидали – охотников знающих,
Лучших в краю рыбаков-мастеров,
Оленеводов, стада выпасающих,
И лесорубов – крутых мужиков.

Лютая «тройка» решала уверенно,
Тысячу к казни – гласил приговор,
И в годовщину со дня смерти Ленина
Многих из них расстреляли в упор!

МЫ СЕГОДНЯ СЛОВНО ПТИЦЫ...

Птицы шли тропой небесной.
Крылья рвал упругий ветер.
Мир холодный, неизвестный
Им казался добр и светел.

Позабыты голод, бури,
И в глазах, как наважденье,
В зыбкой сумеречной хмури
Плыли Севера виденья.

Резко вскинулся ведущий
И к земле пошёл внезапно.
Кто-то там, внизу живущий,
По гусям ударил залпом.

Крылья, крылья, донесите
До болотистых гнездовий.
Не предайте, дотяните –
Перья высохнут от крови!

Помоги, родное небо,
Удержи в своей ладони.
Разве сыном твоим не был,
Разве ждал я этой доли?

А земля всё ближе, ближе.
Всё ясней шатёр лесов.
Стиснув клюв, как голос свыше
Он любимой слышал зов.

Сжались крылья жалким комом.
Вспыхнул радужный сполох.
С хриплым клёкотом, со стоном
Гусь вломился в белый мох.

Стая круг дала прощальный,
Захлебнулась в птичьем плаче*.
День ненастный, окаянный,
Как тебя назвать иначе?!

Но роня капли крови,
Боли крик перевозмогая,
Воздух крыльями буровя,
Он рванулся вслед за стайей.

Кто не видел, как весною,
Обжигаемый тоской,
Ополчась на всё живое,
Мечет громы род людской!

Всюду выстрелы гремели,
Вожака судьба спасала,
Сквозь свинцовые метели
К небесам его вздымала.

Лишь заслышав говор стаи,
Близ земли, где был рождён,
У седых речных закраин
Он упал – не побеждён.

Мы сегодня словно птицы
На огромном перелёте,
И изменчивые лица
Нам грозят из-под крыла.

Одного хочу, Россия,
Чтобы в бурь круговороте
Ты нашла свою стихию,
Чтобы вечно ты была!

ЖЕСТОКОСТЬ

Заледенела тундра
И панцирем покрылась
И погребла пернатых,
Ночующих в снегу.
А те, что уцелели
И распрямили крылья,
Южнее устремились,
Сквозь дикую пургу.

Их встретил край уютный
С обильными кормами,
И белых куропаток
Объял волшебный сон.
Пушистыми снежками
Везде они порхали
И бегали, как дети,
Наивные, в обгон.

Конец у этой сказки
Стал болью нетерпимой.
На птиц, идущих к людям,
Охота началась.
Их сотнями стреляли,
Хватали торопливо,
Как будто в год голодный
Поесть решили всласть.

Колышет ветер перья
У белой-белой птицы
С печальным полудужьем
Оранжевых бровей.
Мне верится – однажды,
Поставив в угол ружья,
Мы милосердию
Откроем настежь дверь.

зима 2014 года

Посвящения...

СЛОВО О БАХИЛОВЕ

Я попробую, насколько в моих силах,
Рассказать, как дорог нам Бахилов.
Было с ним надёжно и светло,
И людей всегда к нему влекло.

У него за внешней простотой
Мир таился сложный и большой.
Сплав ума, упорства, доброты
И душевной редкой чистоты.

Он мне видится в плаще-дождевике
У костра рыбацкого на стане.
На Баграсе и на Балыке,
И на поле в утреннем тумане.

Помним разных мы секретарей –
Многие достойны уваженья.
Но по человечности своей
Выше всех – Бахилов, без сомненья.

Помню, как вручал мне партбилет,
Как смотрел доверчиво и строго,
Как отец напутствовал вослед
Сына перед дальнею дорогой.

Он себя ни в чём не выделял.
Все стремились на него равняться.
Он безмерно людям доверял,
А упавшим помогал подняться.

И когда Салманов молодой
Взламывал ворота нефтяные,
С ним стоял испытанный войной
Комиссар из города Ишима.

Он горел, он уставал безумно.
Он других на подвиг зажигал.
Кто сказал, что было очень трудно,
Тот и половины не сказал!

Шла в Сургут, казалось, вся Россия.
Шла Татария и шёл Азербайджан.
Как не растеряться в той стихии!
Как устроить новых горожан!

Где они – автобусы, дороги?
Где жильё, больницы? Школы где?
Всё решали люди, а не боги,
И Бахиров первым был везде!

Навсегда останется он с нами,
Пусть ещё немало лет пройдёт.
В честь героя улицу назвали,
Он в названье промысла живёт.

Верю – каждый в сердце сохранил
То тепло, что людям он дарил.
В Первомай несут ему цветы,
Человеку сбывшейся мечты.

С ЮБИЛЕЕМ, ИВАН ЕГОРОВИЧ!

Тускнеют страсти, годы затая,
Но мы из тиража ещё не вышли.
Гляжу, Иван, сейчас я на тебя,
И светятся глаза твои мальчишьи.

Дорог житейских много покорил,
И я тобой всегда горжусь по праву!
Ты никого нигде не подводил,
Такой разумный, опытный, бывалый.

Пусть пролетают месяцы и дни,
Родятся в мире добрые приметы.
Мы нашу дружбу свято сохраним
И пронесём, пока живём на свете!

2014 год

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Зое Андреевне Ромашко посвящается...

Где сошёлся клином белый свет,
Где обские ветры яр качают,
Где весной черёмуховый цвет
Всю деревню снегом осыпает,

Средь берёз высоких, чистых рек,
В домике по улице Советской,
Здесь живёт чудесный человек
С мудрою душой, с улыбкой детской.

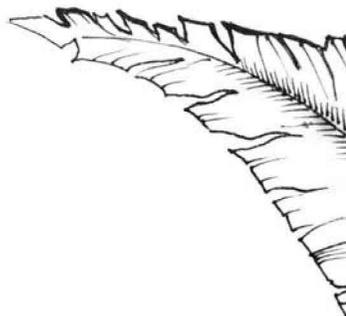
Для неё дорожке школы нет
Школьный мир ей близок и поныне.
Каждый её лаской обогрет,
Все ребята для неё родные.

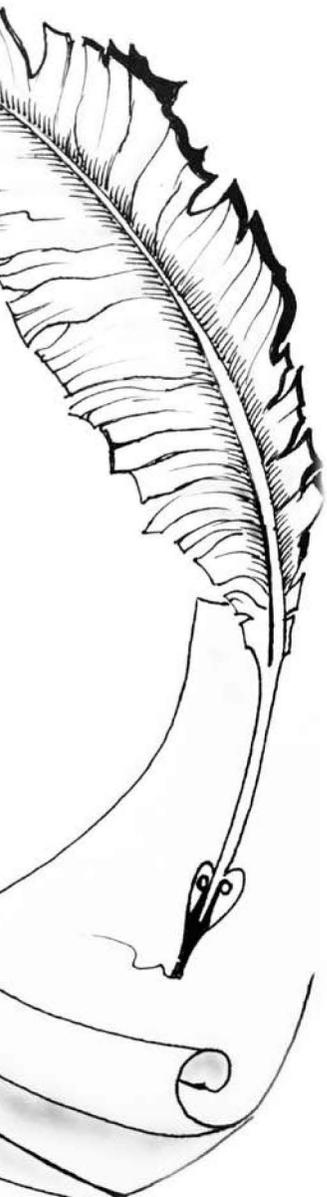
Много лет детей она вела
Трудными дорогами познания.
Вместе с ними счастлива была,
Открывая тайны мироздания.

Радость озаренья и удач
Память её свято сохранила.
Были и минуты, что хоть плачь,
Но они прошли куда-то мимо.

А теперь на Вы я перейду:
Есть таланты, что даны от Бога.
Вам судьба писала на роду
Обрести призванье педагога!

Все Вас знают, любят, берегут,
И помочь Вы каждому готовы.
С радостью и горем к Вам бегут,
Чтоб услышать правильное слово.

Вы и старым людям первый друг,
Очень им теперь нужна поддержка,
Потому уже в который круг
Улицей идёте деревенской.

Вы, как прежде, молоды сейчас,
Разве скажешь всё в стихотворении!
Есть у Вас немереный запас
Сил и благородных устремлений!

2001 год

ФАНТАСТ И ЛИРИК

Дмитрию Сергееву посвящается...

Ты к золотому сроку возмужанья
Пегаса приручил и оседлал,
Блеснул таланта звонким многограньем
И в прозе ярким мастером предстал.

Фантаст и лирик, светлый, утончённый,
Ты взмыл над вечной «мглою суеты»,
С газетой «Вестник» накрепко сплетённый
Приблизил исполнение мечты.

Отзывчивый и скромный безгранично
В краю Сургутском стал давно своим.
Никто тебя не видел безразличным,
И многими за это ты любим.

Совсем не властно время над творцами,
И потому так молоды они.
К чему слова! Друзья, взгляните сами,
Как Дмитрия Всевышний сохранил!

О МНОГОМ ЛЮДЯМ ТЫ ПОВЕДАЛ...

Другу моему Ивану Захарову в день 70-летия

Иван Прокопъич, жизнь зовёт:
Не надо юбилейной грусти.
Твой челн судьбы вовсю плывёт,
И далеко ещё до устья.

Заторы были и пески.
Не раз вздымались волны круто.
Ты всем преградам вопреки
Вошёл в историю Сургута.

Твоей безмерной добротой
Наш край воистину согрет.
И веет чудной простотой
От всех трудов твоих, поэт.

Не знаю озера иль бора,
Не знаю кедра иль рябины,
Не знаю речки или сора,
Чтоб не были тобой любимы.

Ты был на Майском и Озёрном,
И в Тром-Агане, и в Ямском,
И на Мысу работал Чёрном,
Был комсомольским вожаком.

А уж газета... Эх, газета!
Ты ей полвека посвятил.
Ты без неё не мыслил света,
Газетный труд боготворил.

О многом людям ты поведал
И сердца жар им передал.
Ты летописцев-краеведов
Себе на смену воспитал.

Иван Прокопъич, жизнь зовёт:
Не надо юбилейной грусти.
Твой челн судьбы вперёд плывёт,
И далеко ещё до устья.

ВЫ – ПОГРАНИЧНИКИ

Сыну Роману посвящается...

Туманы, холода – далёкие Курилы...
Весь в сопках Кунашир – особая Земля.
Любовью материнскую хранимы
Здесь служите вы, наши сыновья.

Бывает очень трудно вам порою,
Ещё висит над миром тень войны.
Она не раз грозила нам бедою,
И люди погибали без вины.

Ни дождь свинца, ни ядерные тучи
Нас никогда не смогут запугать.
Пусть знает враг: сильны мы и могучи
И за себя сумеем постоять!

В родимый край со службы вы вернётесь,
В уют семьи и ласковый покой,
С друзьями, как на праздник, соберётесь
И встретитесь с любимой над рекой.

Вы – пограничники, страна глядит с надеждой
На остров малый, где алеет флаг.
Так есть сейчас, но было так и прежде,
На вас всегда смотрели только так!

ТАК ДЕТСТВО ПРОХОДИЛО...

Другу моему Саше Торопчинову

В краю благословенном,
Где кедры вровень с небом,
Где необыкновенно снега белым-белы,
Где церковь чудо-небыль,
Той церкви нету краше,
Здесь, в Тундрино, однажды
Родился мальчик Саша.

В семье порядок строгий,
На всех хватало дела.
Отец закваски старой
Детей не баловал.
Но Саша – руки в ноги
И поутру несмело,
Как лето наступало,
На речку убежал.

Мы бредили рыбалкой,
Блеснили щук с полено
И окуней таскали
Примерно с килограмм.
Так в обласах* гоняли,
Что небу было жарко!
Лишь к ночи вспоминали,
Что надо по домам.

В плохах* ловили уток
Высокими сетями.
Неистово на Север
Гнала их всех Весна.
Какие были ночи,
И звёзды как сияли,
Когда во тьме недолгой
Звенела тишина!

А ранним майским утром
Вы с мамой возвращались,
От Яскиной, от речки,
Неблизкий путь лежал.
Бывало, от добычи
Обильной прогибались,
Но Саша не сдавался
И мать опережал.

Так детство проходило.
Всё память сохранила:
Кедрач, Курью и школу,
Да улицы в муру*.
И так всё это близко
И невовратно мило,
И образы родные
Так за душу берут!

ПОМНИМ

Елене Хусейновне Бжецовой посвящается

Вас с мужем белоснежные просторы
Из жаркой Адыгеи поманили.
И жизнь, где фрукты, где ущелья, горы,
С далёким Севером равнинным породнили.

В забытых, продуваемых посёлках
Детей наукам увлечённо обучали.
Вас не пугали трудности нисколько,
Питомцы вам любовью отвечали.

В вас молодость задорная кипела,
И сдерживал не раз Руслан Елену –
За все дела всегда хваталась смело,
Шла на субботник и плясать на сцену.

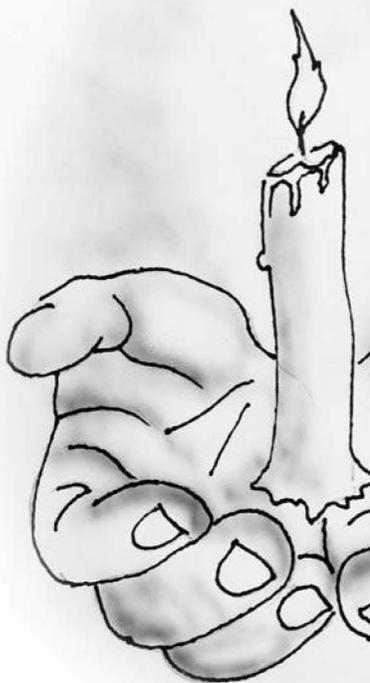
Потом другая вас нашла забота –
Избрали председателем Совета,
А тут воистину работа так работа,
Нередко безо всякого просвета.

Детишки той порою подрастали –
Дочь Зара, сыновья Мурат с Аскером.
Всё маму у окошка поджидали,
Прощающую, добрую без меры.

И вдруг беда обрушилась, как туча,
Не стало мужа, верного Руслана.
Удар судьбы Вас днём и ночью мучал,
Вы боль трудом гасили неустанно.

У всех живущих есть свои пределы,
Всех стережёт безжалостный недуг.
Вы были молоды и очень жить хотели.
Как рано вы ушли! Прощайте, верный друг!

Вы возвратились с мужем в Адыгею,
К родной Земле, готовой Вас принять.
Там ласковое солнце Вас согреет,
А мы в Сибири будем вспоминать!

ПЕВЕЦ ЮГРЫ

Поэту Петру Суханову

Он шёл всегда навстречу всем ветрам,
Не мог терпеть, когда толкают в спину.
Да. Он такой и нынче, и вчера,
И даже если много лет откинуть.

В его стихах любовь и боль души,
И трудный бой за то, что вечно свято.
И он, боец, на выручку спешит,
Чтобы Отчизна не была распята.

Какая мощь – «Шестая часть Земли»!
Скорбит строфа взволнованно и чисто
О гордости, истоптанной в пыли,
О кладбище с изгоем гармонистом.

Его творенья – не игра ума,
Исполненная мастерской рукою.
Здесь большее. Здесь пишет жизнь сама,
Бывающая доброю и злою.

Не ангел он, бывает грубоват,
И выдержки порою не хватает,
Но для друзей – советчик он и брат,
Который защитит и не оставит.

Он многое
 успел уже сказать,
Певец Югры,
 с Сургутом обручённый.
Зовут «Колокола» –
 дерзать,
 дерзать!

Как прежде –
 смело,
 умно,
 окрылённо!

СПАСИБО ДОКТОРАМ!

Меня врачи не раз спасали,
Когда бывал на грани я:
В бездушной коридорной дали
Вдруг уходил из бытия.

Потом то веря, то не веря,
Дыханье жизни я ловил.
Был слаб, но радостно растерян,
Весь в трубках, кажется, я жил.

Усталый доктор капли пота
Со лба крутого вытирал.
Он победил, ушла забота.
Спасибо умным докторам!

Первый сборник поэтов района –
Сколько смог ты талантов открыть!
Словно бой благовестного звона
Ты позвал нас вершить и творить.

Все поэты чуть-чуть не от мира.
Лишь не надо обиженных глаз:
Отвернётся капризная лира,
Что за горе? Мир снова при нас.

Пусть кипят ваши чувства и мысли.
Вы поплыли средь бурной реки.
С самой кручи Высокого Мыса
Я кричу: «Счастья вам, земляки!»

Привет, библиотекари –
Культуры божий дар.
Души вы нашей лекари
Для всех, кто мал и стар.

До неприличья скромные,
Зарывшись в книжный фонд,
Живёте вы влюблённые
В читающий народ.

Вы сами столько знаете:
Завидуем мы вам.
А сколько понимаете,
Не снилось мудрецам.

Хочу, чтоб слово верное,
Как факел, нёс избач*.
Вы доброго и вечного
Глашатай и трубач!

Вы все в душе писатели
И критики вы – класс!
Грядущего создания
Зависят и от вас!

Внесли вы всё в компьютеры,
По полкам разнесли.
И всё ж, сознайтесь, муторно
От книжной вам пыли.

Мы так закомплексованы,
Забыв, что наш закон:
Читательскую сторону
Направить в нужный тон.

И до чего же здорово,
Что время настает,
И вы теперь по-новому,
Как встарь, пошли в народ!

ОДА КНИГЕ И БИБЛИОТЕКАРЮ

Нельзя представить и на миг,
Как это можно: жить без книг!
Тонуть в извечной суете,
В постылой серой пустоте.

Нам книги разум озаряют,
Пути дерзкими ведут,
Земли глубины отворяют,
Галактик тайнами влекут.

От детских книг о приключениях
Спешим к познаниям высоты,
Плывём в волнах воображенья,
Молясь на книжные листы.

Наука чтением электронным
Меняет дух любимых строк.
И в обаянье первородном
Как будто чувствуешь подлог.

Мне мил страниц заветный трепет,
Он схож с касаньем нежных рук,
И радость новой встречи светит,
И я шепчу: «Привет, мой друг!»

Как часто образ книги доброй
Слит с тем, кто вам её вручал.
А что носитель электронный?
Воспроизвёл – и замолчал!

*Для тех, кто ещё
летает во сне...*

НАШ ГОРОД

Что бы там ни говорили, но Сургут
Всюду городом нефтяников зовут.
И не стоит обижаться никому,
Надо просто разобраться, что к чему.

Трубы ГРЭС взметнулись в небо высоко,
Энергетики шагнули далеко.
И, пожалуй, справедливо, что Сургут
Крупным центром энергетики зовут.

Голубой поток невидимой реки
Гонят в трубах день и ночь газовики.
Газ волшебный согревает нас в мороз.
Чей же город наш? Ответьте на вопрос.

Без строителей не выжить нам никак.
Мы без них ютились вечно бы в балках*.
Посмотрите, как красив родной Сургут –
В нём хорошие строители живут.

Много в городе врачей, учителей,
Много разных замечательных людей,
Без которых не поесть и не попить,
Даже другу невозможно позвонить.

А не вышли бы газеты, что тогда?
Приключилась бы немалая беда.
Без «Синицы» тоже плохо бы пришлось.
Грустно детям без «Синицы» бы жилось!

Так в каком же все мы городе живём?
Чьим же мы его по праву назовём?
Этот город – наш любимый общий дом,
В этом доме все горды своим трудом!

Ну а всё-таки, а всё-таки, друзья,
Забывать о том, наверное, нельзя:
Чёрным золотом пока живёт страна,
Ей, как воздух, нефть сургутская нужна!

ВНУКУ

Я так хочу, чтоб ты летал во сне,
Любил кружить над лентами дорог
И, замирая в зыбкой вышине,
Свой страх и притяженье превозмог!

Чтоб с каждым взмахом лёгких крыльев-рук
Взмывал ты к звёздам или плыл к Земле.
В таком полёте я, мой юный друг,
Когда-то в детстве от восторга млею.

Всегда не к месту обрывался сон...
Едва очнувшись, крылья я искал.
Мгновеньем раньше был я невесом,
Теперь, бескрылый, горько тосковал.

Мне жалко тех, кто не летал во сне!

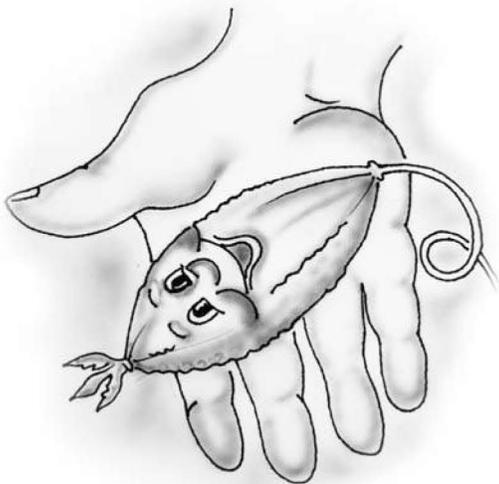

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

На грядке, солнцем разморённой,
По-детски трогательно мил,
Земными соками вспоённый
Он лик зелёный свой явил.

Гляжу на дивный плод в волненье,
Ведь это я его творец!
И поздравляю с днём рожденья
Свой первый нежный огурец.

Внук-малышок бежит вприпрыжку
Он тоже грядку поливал,
Погладил чудо в пупырышках,
Огурчик был – и вмиг пропал!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

За окнами – снежинки,
А за столом – веселье.
У девочки Полинки
Сегодня день рожденья.

В нарядном платье Поля,
Как бабочка, порхает.
На Полю мальчик Коля
Глядит и не моргает.

Она стихи читает
И рисовать умеет,
И слабым помогает,
Животных всех жалеет.

Дороже всех подарков
Ей рыженький котёнок.
Один он бегал в парке
И плакал, как ребёнок.

За ним гналась ворона –
Схватить его хотела.
Но первоклассник Рома
Закрыв котёнка телом.

Пришло друзей немало,
О Поле все толкуют,
Спасибо папе с мамой
За девочку такую!

РАДУГА

На леса и на луга
Опустилась радуга.
Опрокинула свой мост,
Как цветной павлиний хвост.

– Подойти бы к ней поближе
Да взобратъся бы повыше,
Выше леса, выше крыш, –
Думу думает малыш.

И бежит он очарован,
Чудом радужным взволнован.
Через лужи, наконец,
В поле выбежал малец.

Отдохнуть остановился,
Глянул вверх и удивился –
Нету радуги, пропала,
До чего обидно стало!

Запечалились глаза,
Покатилась слеза.
Тут и мама подбежала,
Малыша поцеловала.

Утешает сына мама,
Только он твердит упрямо:
– Всё равно вперёд пойду,
В небе радугу найду!

НОВОГОДНИЙ ЦИРК

Мы сегодня в цирк пришли
На весёлый праздник.
Много фокусов смешных
Мы увидим разных.

Здесь танцуют и поют
Зайцы и медведи,
И подарки здесь дают
Лучшие на свете.

Как под куполом светло,
Как наш цирк украшен!
От улыбок всем тепло,
И мороз не страшен.

Смех и радость нам несёт
Новый год желанный.
До чего же нам везёт
В этот праздник славный!

В ЛЕСУ

Лирохвостый, краснобровый
Чёрный, словно грач,
На верхушке, на еловой
Топчется косач.

Любопытный, как ребёнок,
Крутит головой,
А под ёлочкой зайчонок
Жмётся сам не свой.

Рядом с дерева большого
Снежный ком упал –
Только видели косого,
И косач пропал!

Очерки

ТРОПОЙ СУДЬБЫ МОЕЙ

Автобиографический очерк

*«Боюсь спокойных –
потому боюсь,
Что кто-то рядом
пропадает с горя!»*
Пётр Суханов

Родился я в предгрозовом 1940 году в пору сентябрьского листопада. Родина моя – Сургутский район, старинное село Тундрино. По рассказам старожилов, в числе основателей этого села были и мои прадеды, бывшие казаки, ставшие позднее, с упразднением их сословия в уезде, рыбаками и охотниками. Вначале они избрали местом своего жительства правый берег Оби и своё поселение назвали Майор. Но затем переехали на берег Тундринской протоки (теперь это Курья*), богатой рыбой, с прилегающей к ней широкой лентой кедрового бора, изобилующего пушным зверем, боровой дичью и зайцами. Бор дарил жителям грибы, ягоды и орехи. Воистину благодатное место!

Помню, как сейчас, огромные медвежьи капканы и маленькие, на мелкого зверя, а также черканы*, которые хранились на чердаке. А в амбаре восседала необъятная бочка – чан, похожая, по моим детским представлениям, наваянным книгами, на отъезжегося буржуя. В ней солили рыбу.

Дед, Роман Гаврилович, был рыбаком от Бога, ему всегда улыбалась удача. В рыбоучастке он позже возглавлял бригаду, которая постоянно выполняла планы рыбодобычи. Как и большинство рыбаков, он не жалел себя, был простужен, и ему, одному из первых рыбаков района, выделили в 1937 году путёвку в уральский санаторий.

Немалая семья была у деда с бабушкой моей Анной Петровной – пятеро сыновей и три дочери. К несчастью, один из сыновей – Иван, подававший надежды певец, победитель окружного конкурса, заболел воспалением лёгких, когда отец был репрессирован. Фельдшеру запретили лечить Ивана как сына «врага народа», и он умер в 16 лет.

Родовое гнездо Замятиных. Дом построен в 1924 г.

Деда арестовали сразу после возвращения из санатория якобы «за подготовку теракта против тов. Сталина» и отправили по этапу в Сургут, а оттуда в Остяко-Вогульск*. О судьбе его многие годы ничего не было известно.

И осталась семья без кормильца, испытывая непомерную нужду. Главная ноша по её спасению легла на старшего сына, моего отца Петра, и бабушку. Сестра Мария к тому времени вышла замуж за учителя – вдовца с двумя детьми – Георгия Михайловича Пиотровского. Спасались всем миром.

Пётр Романович и Александра Георгиевна Замятины и их дети: Валентин, Вера, Виктор, Галина, Владимир, 1958 г.

В семье умели делать всё: справляться с огородными и рыболовными делами, ловить перевесами уток, косить сено, заготавливать на зиму дары леса и дрова. Младшие дети учились в школе, а мой отец, решая задачи на возу с сеном, готовился к получению профессии. В городе Ишиме он окончил рабочий факультет (рабфак) с математическим уклоном и вернулся учительствовать в школу. Жить стало полегче.

Вскоре по направлению Омского учительского института приехала выпускница Александра Георгиевна, преподаватель русского языка и литературы. Молодые учителя полюбили друг друга, и я стал их первенцем.

Вот такая предыстория к тому, что ждало меня впереди.

Наступил роковой 1941 год.

В годы войны ушли на фронт моя тётя Фаина и дядя Василий, восемнадцатилетний парень. Фаина Романовна была несколько раз ранена, прошла всю войну и вернулась инвалидом. Василий Романович воевал в разведке. Спасая своего командира, был ранен. Добрался до передовой и там потерял сознание. Их подобрала бойцы и доставили в госпиталь, к сожалению, командир был уже мёртв. В Тундрино мой дядя вернулся инвалидом, без ноги, ходил на протезе. После войны окончил Академию художеств. Стал искусствоведом. Часто приезжал на родину, писал портреты, картины для близких людей, оформлял школы, где я работал директором. Похоронен в Тундрино. Тётя Фаина уехала на Украину по приглашению однополчан и вышла там замуж за бывшего фронтовика. Не раз навещала Тундрино, очень тосковала по родным краям, как и сестра Клавдия, которая тоже перебралась на Украину.

Папа в октябре 1941 года был назначен завучем Тундринской школы, а в мае 1942-го его вызвали в Сургутский райвоенкомат для призыва в РККА. Но вместо Красной Армии как сына «врага народа» отправили на Урал в аварийные Егоршинские копи добывать уголь. Однажды папа попал под завал, ему покалечило пальцы руки. В связи с этим, а также из-за нехватки учителей отца комиссовали, он вернулся в родную школу. В конце войны высокое начальство решило, что отцу уже можно доверять, и его направили в Омское пехотное училище. Выпустили из училища в октябре 1945 года командиром стрелкового отделения в звании старшего сержанта. Война закончилась, отца демобилизовали, и он снова приступил к директорству в Тундринской школе.

Маму в военные годы не раз направляли с бригадой на Ляминский сор* ловить неводом рыбу в летне-осеннее время. За ударный труд однажды её наградили отрезом ткани на платье и несколькими плитками американского шоколада. Ох, и радости было у нас с сестрёнкой Верой (она родилась в 1942 году) и двоюродными сёстрами! Плитки разделили на мелкие кусочки.

Запомнился праздничный митинг в честь Дня Победы, как потом на дружеское застолье собралась замятинская родня. Пришли соседи, друзья. И звенели песни над деревней, и слышались в них ликование победных залпов и боль за погибших товарищей.

Эх, песни, песни! «Любой праздник без песен – не праздник», – утверждал мой отец. В нашей семье любили петь, и было кому петь. Многие имели хороший слух и сильные голоса. По воспоминаниям отца, особенно выделялся голос дяди Ивана, рано, к сожалению, умершего. Могучий бас был у отца, хватающий за душу баритон у дяди Александра. Увлекал мужественный тембр богатого оттенками голоса дяди Василия. А как нежно и красиво звучали ведущие голоса тётушек моих, особенно Марии Романовны, да и всех, кто робко, но верно вливался в мелодию песен! Песен знали много. Старинные песни особенно почитали, пели каждый праздник и учили молодых. Неужели исчезнут чистые, светлые откровения певучей русской природы? А останется пустоцвет, то, что не поётся и не запоминается, где напрочь отсутствует душа и царят самые низменные чувства. У нас, тогда мальчишек и девчонок военных лет, самый глубокий след оставили военные песни. Мы знали их наизусть, пели в походах, на рыбалке и со сцены и других песен не признавали. И не было нужды говорить о патриотическом воспитании. Любить Родину учили нас подвиги фронтовиков, их рассказы и песни войны.

Не буду много писать о трудностях послевоенного времени, о них достаточно известно. Люди бедствовали и с продуктами, и с одеждой. Поздней ночью занимали очередь за хлебом, в том числе и дети. Кормились

тем, что давали лес и река. Одевались в ватные, часто рваные, замусоленные телогрейки. Колхозники получали копейки за трудодень. Люди ворчали, но терпели. Все понимали – только что окончилась жестокая, кровавая война. Слава Богу, что уцелели! Особенно тяжело приходилось ссыльным. Одежду носили – заплатка на заплатке. Ловить рыбу умели далеко не все. За ними постоянно следила комендатура. Без разрешения коменданта и шагу нельзя было ступить. Труднее всего жилось сосланным в войну калмыкам. Селили их в домишки, пропахшие карболкой, спали они на полу, вповалку, где их заедали клопы. На столах всегда – шаром покати. О какой-то гигиене и говорить нечего!

В летнее время с подростками-калмыками и маленькими калмычатами мы уходили к Тундринской к курье*, ловили окуней и щучек и жарили их на костре. С какой жадностью поглощала ребятня этих рыбёшек! Помню одного из мальчишек – Серёжу Доржиева. В пятидесятые годы все калмыки, за редким исключением, вернулись в родные степи и даже как-то присылали весточку из Элисты.

Нельзя забывать, какую большую помощь оказывали ханты из Пима* и других ближайших национальных посёлков в военные и послевоенные годы. Многие семьи русских и ханты связывала многолетняя дружба. В нашем доме нередкими гостями были Кантеровы и Востокины. Когда бабушка моя Анна Петровна не знала, чем накормить семью, они делились с нами мукой, которую получали за пушнину от государства. Страшные голодные годы! И ведь это ханты не раз спасали семьи вдов, фронтовиков и инвалидов, помогали, чем могли: кому боровой дичью, кому рыбой, кому мукой. А как мы благодарим их в нынешние времена, отравляя нефтью реки и озёра, уничтожая ягель – основу оленеводства, многие природные богатства?! А потом ещё удивляемся, почему этот народ деградирует и даже требует компенсации. Почему в той же Канаде нет такого безобразия?! Почему по великой Оби нескончаемо плывут радужные нефтяные поля, повсюду загублены малые речки?! Рыбные богатства тают на глазах.

Так уж случилось, что в послевоенные годы родители мои учительствовали то в Тундрино, то на Высоком Мысу. Отчего-то Мыс не раз оказывался без директора школы. Но основная часть их педагогической деятельности пришлась на Тундринскую школу, где они практически проработали всю жизнь. К сожалению, век их был недолгим. Мама прожила всего 54 года, папа – 64. Все свои силы и знания они отдавали обучению и воспитанию школьников, выполняли большую общественную работу. Мама награждена знаком «Отличник народного просвещения» и почётной грамотой Министерства просвещения РСФСР. Многие выпускники, с которыми мне довелось встречаться, отзывались о моих родителях

с большим уважением. В нашем многолюдном доме, где и спать было негде, часто жили дети из ближних посёлков из-за отсутствия интерната. Спали даже на полатах, над русской печью. Ютились Анатолий Даурских и Алексей Яковлев, Ольга Беженарь и Нина Соболева (Слюняева). Одно время, когда я был студентом, жил Егор Кантеров из Пима. Отзывчивый, добрый паренёк, настоящий охотник, он часто приносил добычу к общему столу.

И папа, и мама были постоянно в курсе педагогических новинок. Уже в зрелые годы у отца хватило решимости очно окончить Тобольский пед-институт. А это было непросто. Тем более что дома оставались с мамой четверо детей, а мне, старшему, исполнилось всего 14 лет.

С благодарностью вспоминаю я дружный коллектив Тундринской школы: мою первую учительницу О. В. Филистович, учителей С. А. Хохрякову, А. Н. Попова, Н. Ф. Новопашина, Р. Н. Шевелёву, А. И. Свиридова и других. Помню математика С. К. Муталипова. Кроме Тундринской, довелось мне учиться и в Высокомысовской школе у таких преподавателей, как Т. Н. Перевалова, С. В. Федулова, Г. И. Шпенёв, у моих родителей и других учителей.

Помню и знаю многих ветеранов этой школы: И. Н. Хомылева, З. А. Ромашко, В. А. Ромашко, Ф. Т. Молдаванову, Н. Ф. Вторушину, М. А. Шевелёву, Г. Н. Карпович, Г. М. Калмыкову, Л. Ю. Кайдалову и, конечно, супругов Бжецовых – Руслана Николаевича и незабвенную Елену Хусейновну. Желаю успехов нынешнему коллективу, возглавляемому Ж. М. Берзеговой, и скорого строительства нового здания.

Школа и родители привили мне любовь к чтению, читать я научился рано. Эта страсть так захватила меня, что и во сне меня стали окружать книжные персонажи. Я обо всём забывал, читая «Хижину дяди Тома», «Овода», «Как закалялась сталь», «Айвенго», десятки других произведений. Ни о какой системе речи быть не могло. Читал всё, что удавалось раздобыть. Присядешь зимним вечером у печки с приоткрытой дверцей или возле керосиновой лампы, при тусклом свете которой мама проверяет тетради, и не отрываешься, пока тебя силой не отправят в постель.

Вспоминая те далёкие годы, удивляюсь, почему тяготы тогдашней жизни мы, дети, переносили гораздо легче взрослых. И только позднее стал понимать: это природа вложила в детство больше жизнерадостности, вложила такой запас оптимизма, который у взрослых с годами, видимо, угасает. Если не было домашних дел, мы бежали на волю – к реке, в лес, играть в утиные носы, бабки, лапту, городки, но, в первую очередь, в войну. Зимой катались дотемна на самодельных лыжах или санках. А дома ждала уха из надоевших окуньков да кусок чёрного хлеба. И потом – полное счастье: хватаешь книгу и забываешь обо всём.

Игры закаляли нас, развивали ловкость и выносливость. Недаром дальновидные люди возродили через годы «Зарницу».

Каждую осень школьники оказывали помощь колхозу «Новый мир» в уборке картофеля, капусты, турнепса на Высоком Мысу. Председателем колхоза был тогда Федосей Васильевич Тотолин, очень требовательный и суровый человек. Иногда мы ездили на газогенераторной машине, ходившей на чурочках, а не на бензине. На Мысу был целый склад этих кругляшей. Как мы радовались поездке на невиданном для многих транспорте! Провожал и напутствовал нас председатель сельского совета Степан Ефимович Кайдалов, прекрасно знающий всех жителей окрестных деревень, их склонности и повадки. Друзья звали его необходимым прозвищем «Стёпа Градский». Это был своеобразный, интересный человек с мужицкой смекалкой, уважаемый людьми за прямоту и человечность, любовь к юмору. Перед нашим отправлением он держал короткую речь: «Не подкачайте! Симулянтам прощения не будет. Сам проверю, кто картошку в землю зарывает!» Помню его похороны в морозный день, когда играл духовой оркестр и многие плакали. Пришли ученики из Мысовской и Тундринской школ.

К пятому-шестому классу отец научил меня ставить сети, показывал, как ставить петли на зайцев и пленки на куропаток. Где-то в двенадцать лет мы с другом, Станиславом Чувакиным, тайком настреляли куропаток из отцовского ружья двадцатого калибра. Вместо дробы насекли на кусочки гвозди на лезвии топора. На наши трофеи отец внимания не обратил, а за испорченное ружьё получил я по первое число.

Отец был умелым рыбаком. Всегда приезжал с хорошей добычей и не жалел рыбы для всех, кто обращался. На обласах* все в нашей семье ездили не хуже, чем ханты. Не садились только в самые верткие, юркие долблётки, в которых «летали» по реке искушённые пимские аборигены. Многие навыки, полученные в детстве, не утрачиваются и в старости. Я радуюсь этому, когда здоровье позволяет мне вырваться на природу – в лес или к реке.

А теперь пришло время вернуться к дальнейшей судьбе деда Романа Гавриловича. Родился он в 1895 году, окончил церковно-

В. П. Замятин: «Когда-то и нельма шла в мои сети»,
п. Высокий Мыс, 1995 г.

приходскую школу. Арестован осенью 1937 года, как выяснилось позже, по ложному доносу одного из рыбаков под давлением органов ОГПУ. На момент расстрела, 21 января 1938 года, в годовщину смерти Ленина, ему было 43 года. В этот день расстреляли 142 человека. Стоял мороз, и, как предполагает газета «Новости Югры», могилы из-за стужи рыть не стали, а бросили убитых в иртышскую прорубь. Наша семья неоднократно обращалась в органы внутренних дел, лично к Сталину с просьбой сообщить, где находится дед. В одном из ответов бабушке написали: «Ваш муж жив, находится в режимных лагерях без права переписки». И печать с факсимиле «Верховная Экспедиция Союза ССР. Клим Ворошилов». Приходил ещё ответ, что мой дед умер от инфаркта миокарда в январе 1943 года. И наконец, в последнем документе сообщалось о расстреле деда 21 января 1938 года и реабилитации его и всех членов семьи. Вот сколько вранья было наворочено!

Шли годы. Подрастала сестра Вера, а уже после войны родились братья Виктор, Володя и сестра Галина. Жили мы дружно. Оба брата отслужили в армии, Виктор – на границе, Владимир – водителем войсковой части. После службы переехали в Сургут. Виктор устроился монтером электросетей, Владимир – водителем в редакцию газеты «Сургутская трибуна». Обоих братьев уже нет в живых, Виктора погубила коварная болезнь века в 55 лет, Владимир в 43 года утонул на Оби во время рыбалки. Сестра Вера – стоматолог, сейчас на пенсии, живёт с семьёй в городе Киселёвске Кемеровской области. Младшая сестра Галина многие годы успешно трудится геологом в геологическом управлении ОАО «Сургутнефтегаз».

В 1955 году, после окончания семилетки в Высоком Мысу, я поехал учиться дальше в Новокузнецк (тогда Сталинск) к своему дяде Степану, работавшему инженером на знаменитом Кузнецком металлургическом комбинате. Здесь же работал токарем мой дядя Александр. Окончив среднюю школу, я поступил в Новокузнецкий пединститут на филологический факультет. Редактировал стенгазету, участвовал в общеинститутском хоре, в самодеятельности, читал стихи. Учиться было интересно, но голодно. С третьего курса перешёл на заочное отделение и был направлен в школу посёлка Апанас, недалеко от Новокузнецка. Постоянно ходил с восьмиклассниками в походы в соседние деревни на лыжах. Выступали с концертами, физкультурными номерами. Как-то с классом стали мы победителями областного конкурса по сдаче лекарственного сырья в аптеки (сушёной рябины и черёмухи) и получили первый приз – баян и радиолу.

Работая в школе, подружился я с молодой учительницей географии Светланой, и скоро мы не могли расстаться даже на день. Летом 1962 года сыграли свадьбу. В 1963 году родился у нас сын Роман. Перееха-

ли в Новокузнецк, где жили Светланины родители, а потом получили комнату на подселение. Казалось, всё шло хорошо: есть работа, жильё, но неудержимая сила потянула меня на родной Север. Отправил письмо заведующему району А. Н. Сибирцеву и вскоре получил вызов. Так и оказались мы летом 1964 года в маленькой деревне Лямино, в санаторной школе, сложенной из разобранных старых зданий. Поселились в хантыйской избушке (так их тогда называли) площадью 20 квадратных метров. И стала она для нас верхом удобства. Пусть тесная, но такая тёплая и уютная! А вскоре родилась дочь Ирина.

*Супруги Замятины: Светлана Кузьминична
и Валентин Петрович, 1968 г.*

Учились в школе и русские дети, и дети ханты с ослабленным здоровьем со всего района. Возглавлял школу молодой, умный и очень энергичный директор Леонид Архипович Конев. Нам с женой повезло, что мы прошли у него полноценную учительскую «обкатку». Помогли нам и тогдашний завуч Владимир Тихонович Салтанов, заслуженная учительница РСФСР Софья Андреевна Хохрякова и многие другие. Вот такой редкий шанс выпал на нашу долю. Как и в школе знаменитого В. А. Сухомлинского, где я позднее побывал, здесь всё строилось на уважении к личности ученика и учителя, на началах гуманизма. Обязательным был индивидуальный подход к обучению и воспитанию учащихся, что в те годы, да и сейчас применяется далеко не везде. Учитывались особенности национального быта и культуры народа ханты, оказывалось гостеприимство родителям, приезжавшим из чумов навестить детей или увезти их на каникулы.

Так и хочется поблагодарить ещё раз, через много лет, Л. А. Конева, учительский коллектив санаторно-лесной школы за ту педагогическую науку, которую они преподавали нам с женой. Спасибо вам, наши друзья и наставники!

Прошёл всего год, и направили нашу семью в посёлок Песчаный достраивать восьмилетнюю школу. Раньше там была только начальная. Поселились мы в комнате в доме Пермитиных. Глава семьи Фёдор работал трактористом, его жена Нина – уборщицей.

Главное и единственное предприятие в посёлке – райпромкомбинат. В тридцатые годы сослали сюда крестьян-«кулаков», на самом деле – лучших тружеников и бросили их среди тайги. На построенном ими промкомбинате выпускалось всё необходимое для хозяйства района: тёс, плахи, столы, стулья, парты, плашкоуты*, неводники, лодки, бочки, мебель, лыжи, сани и многое другое. Жили ссыльные в ужасных условиях, болели, умирали, но постепенно обустроивались, обзаводились скотом, разрабатывали огороды. В годы войны в посёлке был детский дом, куда привезли детей из голодного Ленинграда. Жили там и дети из многодетных сургутских семей, чьи отцы были на фронте или погибли. Жители Песчаного, сами прошедшие суровую школу выживания, постоянно помогали детдомовцам.

К нашему приезду Песчаный выглядел типичным северным посёлком с трудной, но упорядоченной жизнью. Директором промкомбината был Пётр Васильевич Кузнецов, опытный, знающий фронтовик, хозяйственник и организатор. Помощниками его были также проверенные войной кавалеры ордена Славы П. З. Харалгин и Н. Ф. Колосов, десятки других бойцов, отмеченных наградами. В праздничные дни на их кителях и гимнастёрках сияли целые иконостасы из орденов и медалей.

Вот в такой посёлок попали мы с женой! А ведь это были те люди, кого власть в тридцатые годы отнесла к категории «врагов народа».

С большим желанием взялись все жители за строительство школы. Шкурили брёвна, ставили стены, стропила, занимались штукатуркой, местили для этого глину с соломой и навозом. Трудились все – бескорыстно и с азартом. Мы с женой тоже не стояли в стороне. Позже с учителем труда П. И. Романовым обшили все потолки фанерой. Других, более подходящих материалов, в то время не было. А потом наступил осенний праздник открытия школы. Радостный для всех. Силами учеников и родителей в школьном коридоре создали уголок Боевой Славы, где разместили в витринах письма с фронта, некоторые воины принесли свои награды и благодарности Верховного Главнокомандующего. Экспонатов было столько, что они заняли все витрины. На видном месте оформили стенды о героях-комсомольцах и пионерах. Пылал подсвеченный, обтянутый кумачом, вырезанный из фанеры комсомольский значок. Здесь в торжественные дни стояли на посту сменные часовые из лучших учеников. На входе в школу детей встречали пушкинские строки: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Дома вернувшихся или погибших фронтовиков отмечались красными звёздами. Устанавливалось шефство над живущими в них. Коллектив в школе был молодой (мне самому тогда исполнилось 25 лет), лёгкий на подъём, с творческими задатками. Вспоминаются задорные, инициативные учителя Р. И. Калагурова, Ю. М. Балалаева, Н. А. Чечёткина, Л. Н. Лагонская. В начальных классах работали пожилые, но опытные мастера М. З. Кузнецова и Е. Ф. Добрынина. Устраивались раз-

личные литературные вечера, лыжные соревнования, теннисные турниры. Интересно, с выдумкой, оформлялись классы.

Была в школе чисто хозяйственная проблема. Водоносные слои залежали в посёлке очень низко, воды в колодцах, даже глубоких, часто не хватало. С родителями мы выкопали колодец, спустили сруб, но воды едва-едва набегало на самые насущные нужды. Приходилось навешивать замок, а мне часто спускаться на дно, чтобы вычерпывать ил и подавать наверх вёдра. Мелочь, но она доставляла нам массу хлопот. Была и несравненно более серьёзная проблема. Очень трудно приходилось ребятам из Ляминой. В санаторной школе оставили только детей с ослабленным здоровьем, а все остальные ходили за пять километров учиться в Песчаный. Позже в Ляминой построили школу и для этих детей.

В Сургут и зимой, и летом добирались через Лямину. Зимой на рейсовом АН-2 или вертолёте, летом – на речном транспорте. Сельский совет размещался в Тундрино, туда добирались зимой на лошадях, летом – по реке.

В зимнее время устраивались КМО – кустовые методические объединения учителей. В наш «куст» входили Сытоминская, Ляминская, Песчановская, Тундринская и Высокомысовская школы. Цель объединения – обмен опытом организации учебной и воспитательной работы. Как правило, совещания проводились поочерёдно. Готовились к ним основательно: оценки работе школ давались непредвзято и доброжелательно, но коллективное мнение приезжающих учителей, конечно, значило очень много. Такие мероприятия делали жизнь школ интересной и познавательной.

В Песчаном мы с женой проработали четыре года. Здесь родилась у нас дочь Вера. Вскоре пришёл приказ о переводе меня директором Сытоминской средней школы, по тем временам одной из самых крупных в районе. При школе располагался и интернат для детей из окрестных сёл. Конечно, к такой работе после маленькой Песчановской восьмилетки я откровенно не был готов. Но Л. А. Конев, заведующий районо, настоял на своём.

И начался новый этап нашей жизни. «Квартировал» я до учебных занятий в интернате, постепенно шло строительство и небольшого школьного директорского дома. По субботам на моторной лодке уезжал навестить семью в Песчаном, а в воскресенье возвращался обратно. Дорога на Обь проходила через знаменитый Ляминский сор*, мелководный, но необозримый, где при сильном северном ветре нашли свою гибель десятки людей, а маломощные катера ждали, когда стихнет ветер. В то воскресенье с самого утра задул злополучный север. Не успокоился он и к вечеру. Напрасно отговаривала меня Светлана: я всё-таки решил ехать, ведь утром – на работу. Благополучно проехал большую часть сора, приближался «Засольный», а дальше и до Ляминой рукой подать. И тут хлынул

Сытоминская средняя школа, выпуск 1973 года. В первом ряду вторая слева – С. К. Замятина, пятый слева – В. П. Замятин

огромный вал, лодку захлестнуло и перевернуло. Корма с мотором ушла под воду (вдобавок, она была без пенопласта), а носовая часть с тросиком осталась торчать наверху. Уцепился за трос руками, но он скользил, как змейка. Пришлось уцепиться за него зубами (благо, что они были крепкими). И понесло меня к Ляминой. На берегу играла громкая музыка, видимо, были танцы. Отцепиться я не мог, боялся, что доплыть до берега не хватит сил. А они уже были на исходе. Тогда закричал: «Помогите!» Кричать почему-то было очень неудобно, стыдно, что ли... Увидел, как от берега отошёл катер и задымил лодочный мотор старого знакомого В. С. Хохрякова... Кажется, Николай Слюняев протянул мне руку или верёвку... Очнулся на катере. Напоили меня горячим чаем, и несмотря на уговоры, отправился я пешком в Песчаный. По дороге не раз отдыхал. Утром проводила меня Светлана в Лямину на речной трамвайчик, идущий в Сытомино. На берегу стояла лодка участкового П. С. Иванова, на днище которой лежали гребни* и моя канистра. Нашёл он их под деревней Кушиново. Так завершилась эта история. На работу я пришёл вовремя.

Средняя школа в 1969 году стояла на берегу обской протоки Сытоминка. Старая, с печным отоплением и очень холодная, она, тем не менее, сохранилась в светлых воспоминаниях многих учителей и выпускников. Директорами Сытоминской школы были М. И. Питер, М. М. Малышкин и другие, оставившие добрый след в душах учеников и родителей. К моему приезду в школе работал сильный коллектив педагогов. Завучем трудилась Антонина Григорьевна Друганова, когда-то ученица моих родителей. Человек неуёмной энергии, она была способна поднять учителей и школьников на любое дело. Отличалась принципиальностью и обязательностью во всём. Сильный математик и методист. Готова была с утра до вечера

оказывать помощь молодым учителям. Успешно преподавали русский язык и литературу Ю. М. Балалаева, Л. Г. Алексеенко, А. Н. Зайцева. Хорошими знаниями отличались ученики математика К. С. Копыловой, жизнелюбивого физика Ю. Г. Яркова, химика Л. Ю. Жученко. Историю вёл И. Н. Скин, знавший свой предмет не только по учебнику, он прошёл всю войну, был ранен. Даже в дни болезни любил подшучивать над собой и вообще тонко понимал юмор. Дети ценили его природную доброту, но вольностей не допускали. Трудолюбием и исполнительностью отличался учитель математики Г. С. Кошелев. Творческой жилкой обладали учителя начальных классов Г. Л. Шишкина и Н. А. Белкина. Их ученики всегда имели прочные знания. Не считаясь со временем, работали супруги Сидоровы – Виктор Семёнович, учитель физкультуры, и Ольга Фёдоровна, биолог. Хорошими организаторами были также учитель физкультуры Ю. Т. Ситников и учитель пения Ю. А. Сосунов. С ответственностью относились к работе воспитатели пришкольного интерната. В школе регулярно проводились педагогические советы, где обсуждались передовые методы обучения в России, новое в работе соседних школ, куда мы выезжали на кустовые методические совещания. В практике работы широко применялось взаимопосещение уроков, шефство опытных учителей над молодыми.

Мне как директору, помимо руководства учебно-воспитательной работой, значительную часть времени приходилось уделять хозяйственным вопросам: питанию учащихся, особенно воспитанников интерната, обеспечению их бытовых условий, отоплению школьных помещений. Только на отопление печей в школе, интернате и квартирах учителей уходило две тысячи кубометров дров. Леспромхоз ежегодно сплавлял для школы плоты из Горновского лесоучастка по большой воде. Мы их причаливали и закрепляли, а когда вода уходила, начиналась их распиловка. Сколько было хлопот! Плоты в песке, цепи от бензопил «Дружба» постоянно рвались, достать их было очень трудно – правдами и неправдами. Потом шла развозка дров на школьных лошадках (в большинстве школ тогда имелось своё хозяйство из четырёх-пяти лошадей, был и конюх). Позже для отопления стали завозить уголь. В Нефтеюганске мне удалось раздобыть по знакомству старенький списанный грузовик, на нём мы доставляли уголь в котельную. А потом пришло время строительства новой школы. Заканчивалось оно уже без меня: я получил неожиданное назначение на сессии районного совета на должность заведующего райотделом народного образования.

Каждая школа оставляет в душе свою память! Жаль было расставаться и с Сытомино. Но почему-то сейчас, когда перебираю страницы прошлого, встаёт передо мною построенная вместе с жителями маленькая Песчановская восьмилетка с письмами фронтовиков в витринах школь-

ного коридора, почётным караулом школьников у горящего пламенем комсомольского значка. Здесь начиналась моя самостоятельная директорская работа. Нет теперь этой школы, но есть ещё ученики и их родители, которые помнят те годы. Где бы я потом ни работал, в первую очередь вспоминаю Песчановскую и Ляминскую школы...

Отдел народного образования удивил меня прежде всего географией своей деятельности. Это позже от Сургутского района отделились солидные территории, ушедшие в Нижневартовский, Нефтеюганский районы, в Когалым. А было целое государство, которое и за месяц не обойти, не объехать. Да ещё при тех дорогах (точнее, при том бездорожье), которые тогда существовали. Это сейчас за считанные часы и почти в любой населённый пункт можно добраться на автомобиле. Раньше даже и думать о таком не смели. Прожёлтёрство, голубая мечта! Попробуйте представить, как трудно приходилось в те годы аппарату района в составе заведующего, трёх методистов и всего двух инспекторов, чтобы владеть обстановкой в школах. Можно только поражаться мужеству инспекторов Л. И. Золотухиной и В. В. Кушникова, методистов С. А. Хохряковой, В. С. Головой, А. Н. Лучининой и учителей, привлекаемых к проверкам школ. Все они, не ссылаясь на здоровье и детей, выезжали в любую непогоду, на чём придётся, чтобы оказать методическую помощь школам и детским садам, чтобы и поучить, и подбодрить. Девизом как инспекторов, так и методистов было: «Не карать, а помогать!» Трудно приходилось маленькому коллективу бухгалтерии района, которую возглавляла легендарная Варвара Антоновна Аверина. Ни минуты покоя не было у её помощниц: Александры Николаевны, Валентины Николаевны и Лидии Филипповны. На оборудование школ и хозрасходы денег выделялось в обрез. И ведь крутились, правда, не без помощи шефов!

Районо при мизерном штате не отставало от передовых веяний в педагогике по внедрению дифференцированного обучения, индивидуального подхода к учащимся, развитию их самостоятельности в поисках новых, нестандартных решений. Педагоги района постигали идеи выдающегося педагога В. А. Сухомлинского, восприняли к действию слова: «Годы детства – это воспитание сердца» и его позицию, направленную против авторитарного воспитания. Во многом прогресс в работе школ осуществлялся благодаря опытным директорам: З. Т. Скутину, С. Г. Женетлю, В. В. Буслаеву, В. И. Николаенко, М. Н. Працюк, А. С. Кошелеву, Ф. Г. Гарееву, Т. М. Соколовой, П. М. Пархомович, Г. П. Гостюхиной и другим.

Через три года меня пригласили в аппарат горкома партии заведующим общим отделом. Я согласился, тревожило, что работая в районо, я постоянно бывал в командировках – то в облоно или окроно, то в школах района – и стал часто болеть воспалением лёгких. Не раз лежал в больнице.

В горкоме партии вместе с другими ответственными работниками занимался подготовкой материалов на бюро и пленумы, оформлением протоколов заседаний. Одна из главных задач состояла в контроле над исполнением принятых постановлений и писем трудящихся. Большинство работников аппарата, тщательно

Сотрудники Сургутского ГК КПСС на субботнике, конец 1970-х годов. Второй справа – В. П. Замятин.

подбираемые по моральным и деловым качествам, глубоко вникали во все вопросы, которые они курировали. Знание своего дела, профессионализм были присущи Л. А. Захарову, В. Н. Курбанову, Б. Б. Поветину, И. А. Ярошу из промышленно-транспортного и строительного отделов. Опытom и богатой эрудицией обладал заведующий орготделом Д. В. Макущенко. Инициативой и вдумчивостью отличались инструкторы отдела пропаганды и агитации О. А. Урушев и А. Н. Рязанов. Трудно перечислить всех, кто занимался в те годы нелёгкой партийной работой. Одно могу сказать: как правило, это были честные, принципиальные люди. О своей деятельности по контролю за исполнением партийных постановлений и писем я регулярно отчитывался на бюро горкома партии.

В 1976 году в нашей семье родился четвёртый ребенок – дочь Сашенька.

На моих глазах развивались и преображались город Сургут и район. Это заслуга как трудовых коллективов, так и руководителей предприятий и партийных организаций. Они известны и ими гордится Сургут. Со многими я был знаком и в основном знал обстановку на предприятиях. Были и случаи недобросовестного отношения к делу, злоупотребления служебным положением. Все они рассматривались на бюро горкома партии, и виновные без всяких скидок получали по заслугам. Что касается масштабов допускаявшихся в те годы злоупотреблений, они несравнимы с нынешними временами. Сейчас коррупция поразила все руководящие и во многом средние звенья. Высшая власть государства зачастую закрывает на это глаза. Куда же мы идём!

В мае 1990 года сессией районного совета я был избран председателем комитета по социальному развитию Сургутского райсовета. На меня

были возложены вопросы кураторства медицины, народного образования, социальной защиты населения. По большинству вопросов проводились заседания совета, принимались необходимые решения. Обсуждались депутатские запросы. Впервые за много лет была проведена медицинская

На встрече в Сургутском университете. Слева направо: А. Л. Сидоров, Г. И. Назин, А. Е. Лошанов, В. П. Замятин.

конференция, где обсуждались проблемы ускоренного развития здравоохранения в районе. К сожалению, при неразберихе, которая царила в девяностые годы, многое из того, что мы решали, осталось на бумаге.

В 1992 году на меня свалилась тяжёлая болезнь. Прогноз был тревожный. Перед операцией в Тюмени вырвались строчки:

*Чёрный смерч зашвырнул в беспамятство,
Утопил, раздавил в глуби.
И закончилось жизни таинство –
Отписал я своё, отлюбил.*

Удалили у меня одно лёгкое и часть перикарда. Но главное – я дышу! Слава Богу! Когда из реанимации привезли меня в свою палату, я закончил свой немудрёный стих:

*Не пугай ты меня, сила тёмная,
Я, пожалуй, тебя посильней!
Бьётся сердце моё непокорное,
Я ещё проживу много дней!*

Зиму я провалялся дома, то ныряя в тьму, то выныривая на свет, но постепенно окреп, и рискнули меня поставить заместителем главы администрации района. Курировал социальные вопросы, возглавлял штаб по делам несовершеннолетних. Что-то мне удалось сделать, на что-то не хватило сил.

В 1997 году ушёл я на пенсию. За годы жизни мне удалось познакомиться на страницах литературных сборников, а также альманаха «Сургут литературный» с творчеством многих местных авторов. Немалая их часть прошла курс «молодого бойца» в литературном объединении «Северный огонёк» и всегда тепло отзывается о нём.

Бурное развитие и расширение географии Сургутского района породило целую плеяду стихотворцев и прозаиков в посёлках и городе Лян-

торе. Неоценимую помощь в выявлении самобытных авторов и издании их произведений оказывают сотрудники Центральной районной библиотеки имени Г. А. Пирожникова, известный поэт и автор фантастической прозы Дмитрий Сергеев, художники Андрей Комф и Василий Ступников. Спасибо им за это!

Презентация книги В. П. Замятина
«Под синим пологом лесов», п. Высокий Мыс, июнь 2001 г.

Я всегда с радостью открываю для себя литературные новинки наших местных творцов, горжусь их умением создавать живые образы современников. Яркий пример – проза Екатерины Логиновой или повести Олега Рихтера с его историческими героями. Рад, что в свет вышли книги моих земляков: Ивана Коровина, Владимира Чирухина, Виталия Прохорова, Алексея Кулешова, Октября Целикова, сборники стихов самобытных районных поэтов.

Особое место в моей душе занимает Пётр Суханов, поэт от Бога. Не раз бывал он у меня в рабочем кабинете, всегда возбуждённый, взволнованный. Возмущался бюрократией власть имущих, несправием рабочих людей и чванством начальников на производстве, особенно распоясавшихся в последние десятилетия, начиная с перестройки. Стихи Петра Суханова, то нежные, глубоко лирические, то непримиримо резкие, поражали энергетикой, чёткостью мысли, безоглядной смелостью суждений! Редко, наверное, рождаются такие поэты, но долго живут их произведения! Однажды довелось мне встретиться с Петром на фестивале бардовской песни в посёлке Высокий Мыс. Тот ветреный июньский день с откровениями поэта под дым костров и гитарный песенный перезвон живёт в моей памяти и сейчас.

Встреча на фестивале
«Высокий Мыс». Слева направо:
В. П. Замятин, П. А. Суханов.

Глубоко благодарен всем друзьям, коллегам, которые помогали мне советами, делились большим жизненным опытом: В. В. Бахилову, В. Ф. Редикульцеву, А. В. Сазонову, Л. Р. Триннелю, Л. А. Ко-

неву, А. В. Сарычеву, С. А. Черкашину, Г. А. Резяповой, Д. В. Макущенко, Л. А. Гололовой, Г. И. Кашину.

В пенсионные годы вместе со старыми друзьями И. П. Захаровым и И. Е. Коровиным, иногда с С. Д. Малюгиным, членами президиума районного совета ветеранов и другими земляками мне удалось побывать во многих населённых пунктах района и по вопросам депутатской деятельности, и по заявлениям жителей об оказании помощи.

Хорошо, что в районе у ветеранов есть такой отзывчивый президиум, такие руководители, как В. Ф. Кошкарова и В. С. Голова!

Теперь мои поездки в район стали очень редкими. Подводит здоровье. Зато чаще встречаюсь с детьми. Их у меня четверо. Роман и Ирина работают в ОАО «Сургутнефтегаз», Вера – в ОАО «Газпром», младшая Саша – во Дворце торжеств.

Есть и горе, которое никогда не проходит. Со Светланой, самым родным человеком, не встретили мы золотую свадьбу. Трагическая, нелепая случайность оборвала её жизнь. Грустно и тяжело об этом писать, уж так произошло. Но жизнь продолжается. Радуюсь я своим внукам, их у меня девять. И двум маленьким правнучкам. Дай им, Боже, побольше светлых дней в наше беспокойное время. Пусть щедрость и доброта живут в их сердцах!

июль 2015 года

«ГЛЯЖУ В ОЗЁРА СИНИЕ...»

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В этом очерке, уважаемые читатели, я хочу в отрывочных воспоминаниях рассказать вам о, возможно, малоизвестных страницах жизни сургутского писателя-краеведа Ивана Прокопьевича Захарова, с которым нас связывала долгая, богатая событиями дружба.

Начало 70-х годов прошлого века. Я, молодой заведующий районным отделом народного образования, вместе со всем аппаратом району

Кандидат на пост главы Сургутского района
Д. В. Макущенко с доверенными лицами.
Слева направо: В. П. Замятин, И. Е. Коровин,
И. П. Захаров, Д. В. Макущенко, А. П. Ядрошников, 2004 г.

готовился к августовской учительской конференции. Трудное это было дело.

На традиционные августовские совещания приглашались все учителя района, а не делегации от школ, как сейчас. Часто присутствовали представители обкома и окружкома партии, а также руководящие работники из облоно и окроно. Конференции являлись своеобразным экзаменом на зрелость и для директоров школ, и для аппарата районо во главе с заведующим. Ведь подводились итоги работы за прошедший учебный год и ставились задачи на будущий.

В те годы партия настолько плотно опекала образование и контролировала идеологическое воспитание молодёжи, что с основным докладом на конференции нередко выступал секретарь горкома по идеологическим вопросам. Заведующему районо предлагалось рассказать о более конкретных проблемах школьной жизни. Выходили к трибуне и комсомольские секретари. Вопросам воспитания молодёжи придавалось тогда первостепенное значение, хотя живая работа подчас подменялась демагогией. Тем не менее никто не бросал молодых в житейском море на произвол судьбы. Им помогали, а они брались за самые трудные дела и блестяще с ними справлялись. Достаточно вспомнить ударные комсомольские стройки, студенческие строительные отряды!

Возвращаясь к теме своего повествования, добавлю, что основной доклад для конференции готовился заведующим районо* и инспекторами. Секретарь только вносил замечания, иногда существенные. В данном случае мне повезло: с докладом выступала Евгения Ивановна Калентьева, авторитетный, знающий человек с педагогическим образованием.

Время поджимало, доклад ещё не был исправлен после партийной цензуры, и я упорно пытался довести его до ума. И тут в кабинет вошли Николай Иванович Ездаков, которого я уже знал, и стройный темноволосый человек чуть за сорок с внимательным и пытливым взглядом. Это и был Иван Прокопьевич Захаров. Его статьи я читал в районной газете ещё в 50-е годы, но лично не был с ним знаком. Только мы разговорились и успели закурить, как в кабинет вошла Евгения Ивановна, видимо, уставшая ждать доклад. Иван Прокопьевич быстро сориентировался и выдал экспромт о случае в Тундринском сельсовете, где долгие годы работал всеми уважаемый председатель Степан Ефимович Кайдалов. Думаю, импровизация грешила преувеличениями, но она мне помогла. По словам И. П. Захарова, Степан Ефимович как-то на неразборчивом документе, полученном из райисполкома, начертил: «Ваши директивы непонятны нашему коллективу» и выслал обратно. Калентьева рассмеялась, но снова обратила на меня пристальный взор. И тогда в разговор вступил Н. И. Ездаков: «Ваши директивы, Евгения Ивановна, непонятны районно-

скому коллективу». Шутка была понята правильно, и вскоре все недоделки в докладе были устранены с помощью самой Евгении Ивановны.

Очень мне пришлось по душе оба жизнелюбивых газетчика, тогда и завязалась наша дружба. С первого дня покорила меня их дар ценить и понимать юмор, забавное мальчишеское ёрничанье, подшучивание друг над другом даже в самых сложных ситуациях.

К сожалению, с Н. И. Ездаковым рано развела нас судьба. Как-то всё не ладилась его личная жизнь, методично добивали всякие напасти. Его здоровья, подорванного войной и житейскими неурядицами, хватило всего на 61 год. Он был интересным человеком, одарённым журналистом с офицерским боевым прошлым. Небрежно одетый, в больших серых валенках, зажатая в жёлтых прокуренных зубах папироса, седые волосы прядями падают на лоб, но не могут закрыть доброго прищура выцветших голубых глаз... Таким предстаёт он сейчас передо мной.

КОСТРЫ РЫБАЦКИЕ ГОРЕЛИ...

Как-то так складывается: уходит из жизни известный человек, и его образ приглаживают до неузнаваемости, не допуская того, чтобы высунился хоть один вихор и подпортил идеальное восприятие. И, на мой взгляд, права Г. В. Кондрякова, утверждающая в газетной статье «Последний поклон», написанной к 75-летию И. П. Захарова, что он при всём писательском таланте в остальном ничем не отличался от своих соратников-газетчиков, да и в целом от сургутских земляков. Были у него те же увлечения и слабости, что присущи большинству смертных. Многие годы владела им глубокая страсть – рыбалка. С ней связаны наши общие путешествия по Оби и её притокам. Можно сказать и точнее: увлечением были путешествия, а попутно с ними шла рыбалка с ухой, костром и нескончаемыми разговорами. Часто выезжали мы на двух лодках, оснащённых моторами «Вихрь», в обычном составе: Александр Андреевич Иванов, директор типографии, избранный нами «бригадиром», Иван Прокопьевич и я, мои братья Виктор и Володя и самый закадычный старинный друг Ивана Прокопьевича, бывший бухгалтер типографии, фронтовик

Рыбачья удача.

Борис Андреевич Проводников. Иногда к нашей компании присоединялись мои тундринские земляки, ставшие сургутянами: Александр Иванович Торопчинов и Валентин Георгиевич Осколков, умелые, надежные ребята. Почти каждый отпуск проводили мы в странствиях по району.

Обские просторы.

Лодка Бориса Андреевича была с секретом – двойным дном. Здесь он хранил целый склад старых железяк – запчастей к «Вихрю», отчего его перегруженный «Прогресс» всегда отставал. Но главное, что при поломках мотора (а они случались регулярно) самой нужной части в тайнике никогда не оказывалось. Зато в экстремальные моменты Борис Андреевич успевал спрятать туда одного-двух муксунов, за что мы всегда были ему благодарны.

Трудно даже перечислить, где побывали мы в те годы. Ездили по Оби выше Локовского, в Лобановский Еган и Кондрашкину курью, вниз по течению – до сытоминских угодий. Бывали на Тром-Агане и Югане, в Лагарме и на Юганской Оби, изучили прибрежные озёра Сухого Агана и Казённой протоки. Открыли для себя десятки новых речек и озёр, узнали лучшие места на заливных поймах-сорах. Ставили сети, добывали карасей, щук, язёй и другую чёрную рыбу. Осенней порой любили плавать по Пеньковской протоке, чаще – по лицензии, иногда без неё. Ели у костра икру с малосолом из муксуна, запивая чем придётся, слушая при этом затейливые байки. Собиралось у костров до 20 рыбаков. Очереди на плава* приходилось ждать подолгу. И это время было самым дорогим в жизни Ивана Прокопьевича. У него блестяли глаза при каждом неожиданном повороте сюжета или метком выражении умелого рассказчика. В таких беседах он и проводил большую часть времени. Казалось, его знает весь Сургут. У любого костра он находил знакомых, да ещё вспоминал их генеалогическое древо.

Мы рыбачили, а Иван Прокопьевич варил уху, кипятил чай (часто всё выкипало) и выходил нас встречать после каждого плава. Громко удивлялся искусству красноречия своих собеседников, изумлённо качая головой. Наряду с небывальщиной черпал он из этих бесед и много новых достоверных сведений из жизни сургутян для своих будущих книг. Нра-

вился ему вольный рыбацкий дух, независимый кочевой уклад, всё наше весёлое артельное братство, ни с чем не сравнимое единение с рекой, прибрежным тальником и пролетающими утиными стаями!

Здесь он по-настоящему загорался и становился моложе. Бывали, правда, и не раз переборы по причине слишком щедрого угощения у костра, но свежий воздух и уха быстро возвращали всех в рабочее настроение.

В архиве Ивана Прокопьевича, наверное, и сейчас хранится моё четверостишие:

*Костры рыбацкие горели
В ночи весенне-заревой,
И мы, задумчивые, пели:
– Нет, чёрный ворон, я не твой!*

Приезжали мы из таких поездок почти всегда с добрым уловом, но никогда не жадничали и с удовольствием раздавали рыбу друзьям.

Вспоминается мне такой случай. Как-то наша бригада возвращалась с Кондрашкиной курьи, что напротив Верхне-Мысовой. Хорошее, богатое доброй рыбой угодье. Проехали Локосово, и началась, как говорят сибиряки, падера – такая сильная буря, что наши лодки нет-нет, да и стало накрывать «девятым валом». Справедливости ради надо сказать, что Иван Прокопьевич при всей своей привычке к реке боялся разгула речной стихии. Каждая большая волна заставляла его отчаянно цепляться за борта лодки, и он просил ехать потише и ближе к берегу. Думаю, его память хранила куда больший печальный реестр погибших на воде, чем наша. Ведь ещё в детстве вместе с взрослыми добывал он рыбу в бескрайней Обской губе и в полной мере испытал гнев и ярость могучей реки, знал о многих её жертвах. Но даже в самые критические минуты он не терял присутствия духа и способности смеяться над своими страхами. Так и на этот раз. Дождь, ветер, лодку заливают, а он кричит мне в самое ухо: «Петрович, перевернёт, как поплывём – по течению или против? Или прямо на Локосово?» Я расхохотался, а он, побледневший, хватая меня за рукав при очередной волне, вдруг шкодливо подмигнул. Вот так Прокопич!

Половодье на Оби.

Мы перевалили через Обь и вошли в протоку, где решили переждать бурю у берега острова Тормут. Стоял сентябрь. Рано темнело, и надо было найти место для ночлега. Совсем недалеко увидели большой дом, где, как позже узнали, жили несколько рабочих Локозовского рыбоучастка. Оказывается, здесь располагалась база сбора икры муксунов и сырков для дальнейшего их разведения в инкубационных цехах Сургута и Тобольска. Живую рыбу привозили с известного Аганского песка*, где стоял стрежевой невод, и выпускали в озеро. И лишь по достижении полной зрелости икру забирали для отправки.

Познакомились с доброжелательными хозяевами избы, наелись ухи, и пошли рассказы и расспросы о локозовском житье-бытье. Легли поздно. Утром, чуть свет, я вышел набрать дровишек, чтобы вскипятить чай. Стояла тишина, улеглась непогода. Над всей округой висел густой белый туман. Туман и тишина! И тут, совсем рядом, раскатилось задорное конское ржание. Послышалась тяжёлая поступь, и выплыла из туманного марева лошадиная морда. Чей-то знакомый голос ласково выговаривал: «Ешь, милая, ешь. Надо – ещё принесу». Теперь уже ясно разглядел, как бредёт Прокопъич, держась за гриву белой лошади, а сзади топчутся жеребёнок и ещё одна лошадь. Иван Прокопъич подаёт кобыле хлебные ломти, гладит ее голову, мягкие ноздри и губы. Увидел меня, как бы очнулся, взглянул по-детски растроганно и попросил: «Принеси, пожалуйста, ещё хлеба». Я вошёл в избу, где народ стал уже просыпаться, пошарил в рюкзаке с продуктами, но хлеба не нашёл, хотя помнил, что с вечера оставалось две-три буханки. Так и обошлись мы в тот раз пустым чаем (сахар тоже почему-то исчез). Бригадир Александр Андреевич Иванов «поблагодарил» Ивана Прокопьевича за «сытный» завтрак, и мы поехали дальше, в сургутскую сторону.

Всякие были с нами приключения. Однажды в середине июля приехали мы в Сухой Аган, где много богатых карасьих озёр. Поставили сети, дождались добычи, поужинали и улеглись кто куда. Мы с Иваном Прокопьевичем, чтобы спастись от комаров и на случай дождя, влезли на полок крошечной старой рыбацкой бани. Все остальные предпочли ночевать на свежем воздухе и улеглись на лавки вокруг стола. Добытых карасей сложили в ямку у берега и укрыли сырой травой. Продукты выложили на стол под брезент. Поутру увидели, что пойманная рыба исчезла, а остатки её разбросаны по сторонам. Все съестные припасы со стола пропали: и хлеб, и сахар, и тушёнка. Объяснение нашлось скоро – кругом виднелись чёткие медвежьи следы, крупные и помельче. Крепко мы задумались.

Было у Бориса Андреевича для экстренных ситуаций одноствольное ружьё 16-го калибра и несколько патронов с мелкой дробью (хранилось оно, конечно, в «тайнике» и порядком заржавело). Дробь высыпали, сняли

с сетей свинцовые грузила, зарядили их вместо пуль и пошли к озёрам проверять сети кто с жердью, кто с ведром, кто с топором. Не прошли и сотни метров, как увидели медвежонка, а за ним второго, примерно годовалого возраста. Он и направился к нам. Володя выстрелил, целясь выше него, старый порох только пшикнул, и грузило упало метрах в трёх от нас. Стали кричать и гремять ведром.

Занат на Курье.

Испугавшись нашего воинственного вида, медвежата стремглав понеслись в ближний сосняк. Где была в это время медведица, сказать трудно. Позднее уже другие рыбаки видели её с питомцами в тех же местах, а потом их кто-то убил. Ивана Прокопьевича, да и всех нас это сообщение очень расстроило. Медвежата были так безобидны и забавны!

Особое чувство связывало Ивана Прокопьевича с тундринскими местами. Здесь он бывал в молодости, знал многих старожилов: М. Г. Боровикова, И. Е. Медведева, А. М. Бакшеева, К. А. Шевелёва и других. Знал и своих родителей, часто рассказывал о встречах с ними. Он любил доставлять радость другим такими рассказами.

Не раз шишковали мы с Иваном Прокопьевичем в тундринском бору, тянули невод в богатой рыбой курье, запасались грибами. Очень радовался он возрождённой Тундринской церкви и новому клубу в соседнем Высоком Мысу. Высоко отзывался о главе администрации сельсовета Е. Х. Бжецовой, удивлялся её неувёмной энергии и умению работать с людьми.

И всегда он старался вызвать человека на дружеский разговор, выведать что-то новое об истории посёлка, сохранении и преемственности добрых старых традиций. Когда требовалась помощь, обещал выяснить и помочь. И помогал. Он тянулся к людям, они всегда были ему интересны, а люди, чувствуя этот неподдельный интерес, шли ему навстречу.

«ГАЗЕТЕ – ДЕНЬ, ГАЗЕТЕ – НОЧЬ»

Об Иване Прокопьевиче – газетчике уже писали и ещё много напишут коллеги-журналисты, долгие годы бок о бок с ним добывавшие нелёгкий газетный хлеб. Я могу только подтвердить, что он газетой жил и

постоянно думал о ней даже в дни наших странствий по Оби. Газетная тема непременно присутствовала во всех наших «бригадных» дискуссиях: И. П. Захаров и А. А. Иванов занимались ей непосредственно, мой брат Володя, водитель редакции, конечно, был в курсе бурной жизни коллектива и читал газету от корки до корки. Живо интересовался газетой Б. А. Проводников, бывший редакционный бухгалтер. А мне, заведующему отделом горкома партии, по долгу службы, да и как старожилу района, просто нельзя было её не читать. Всего одна газета (не считая многотиражек) выходила тогда в Сургуте, и, естественно, каждая статья была на слуху сургутян. Многие из них по стилю изложения и тематике могли с первых строк безошибочно назвать автора. Огромным был тогда тираж газеты. Сажеными шагами развивался и гремел на весь Союз нефтяной Сургут. И вместе с первопроходцами шли сургутские журналисты. Они были полноправными бойцами в общем наступлении. Вот уж где действительно воплотились в реальную жизнь слова поэта: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

Не было, наверно, тогда сургутян, которые в те далёкие 80-е годы не читали статьи В. Семёнова, В. Тена, Н. Козлова, З. Сенькиной, А. Ярошко (Походенко), Г. Кондряковой, А. Степановой, Л. Петровой (Цареградской), Л. Боковой, Н. Заболотневой, М. Крепышевой. За каждой фамилией – личность незаурядная, умеющая отстаивать свои принципы, способная ценой измотанных нервов, бессонных ночей выдать материал в положенный срок.

Я часто бывал в старой редакции и в типографии на улице Просвещения, знал многих корреспондентов и полиграфистов. Меня тянуло сюда к друзьям, ко всем интересным людям, создающим и выпускающим газету. Привлекала загадочная метаморфоза реального претворения мысли в печатное слово прямо на глазах. До сих пор не перестаю восхищаться мужеством и редким терпением воистину тружеников пера и печатников, которые в холоде, на допотопных машинах делали газету. Делали, не рассчитывая на награды, не щадя здоровья, получая символическую зарплату.

Город стремительно выходил из балков и вагончиков в новые благоустроенные дома, а его единственный печатный орган ютился в доживающих век деревяшках. Хлебнули тогда горя и редактор В. В. Киселёв, и его заместитель И. П. Захаров, и директор типографии А. А. Иванов со своим технологом К. В. Шпаковой (Ивановой), прекрасным человеком и специалистом. Но газета выходила всегда (хотя и были опоздания), её любили горожане и жители района. И сейчас, получив свежий номер «Сургутской трибуны», я раскрываю его с невольным трепетом, радуюсь удачным материалам толковых молодых авторов. И с удовольствием убеждаюсь, что

их не меньше, чем в прежние времена, что они достойно продолжают традиции старых журналистов и вносят много нового, свежего. Только страна стала другая... И темы другие.

Вспоминая прошлое, Иван Прокопьевич с великой похвалой отзывался о бывших ранее редакторах Н. И. Голипаде, ставшем потом секретарём райкома партии, П. И. Лежнёве, помимо основной работы руководившем духовым оркестром районного Дома культуры, В. С. Корчёмкине. Ценил деловитость и напористость А. П. Зубарева. И всегда с большим уважением говорил о В. В. Киселёве, его принципиальности и порядочности.

Моё личное знакомство с районной газетой состоялось в 9–10 лет в конце 40-х годов. Носила она название «Колхозник». Газета пугала меня скучными сводками о ходе социалистического соревнования между колхозами, леспромхозами, бригадами лесо- и сенозаготовителей, рыбо-ловецкими звеньями и доярками. Эти материалы вместе с передовицами съедали почти всю газетную площадь. А призывы партии к праздничным датам занимали целую страницу. Правда, когда тундринский колхоз имени Сталина или высокомысовский «Новый мир» выходили в число победителей, я тут же бежал сообщить об этом родителям (а жили мы то в Тундрино, то на Мысу). Но вот однажды, уже лет в 14, прочитал я в «Колхознике» сатирическое стихотворение. Оно так меня поразило, что многие строчки я запомнил наизусть. Речь в нём шла о том, как председатель высокомысовского колхоза и начальник деревенской комендатуры явились в пьяном виде в клуб и сорвали показ кинокартины, требуя показать им другой фильм. Возмущённые зрители разошлись по домам. Меня покорила смелость автора стихотворения. Так писать об одном из хвалёных председателей колхоза и всесильном начальнике комендатуры! Такого в газете ещё не было! Дальше я уже читал газету регулярно.

И вот через много лет всплыли у меня в голове строчки из этого стихотворения, и стал я пытаться Ивана Прокопьевича, кто автор. Вначале он долго не мог понять, о чём идёт речь, потом потащил меня в редакцию, где мы отыскивали пожелтевший номер «Колхозника» за 24 апреля 1955 года со стихотворением «Вот бывает что порой». Внизу стояли фамилии авторов: И. Захаров и А. Смирнов. Так газета возродилась и вернулась к читателю и автору – моему старшему товарищу – через 40 лет.

В день 55-летия Ивана Прокопьевича и его ухода на пенсию я посвятил ему стихи, некоторые строки привожу ниже:

*Ты ждал так долго этот год,
Ты дни считал, как вёрсты мерил.
Хотел ускорить жизни ход,
А как дождался – не поверил!*

*Газете – день, газете – ночь,
И всё газете без остатка.
Поймёт ли кто-то, что невмочь
Бороться с этой лихорадкой.*

*Ты с нею связан навсегда,
Как связан с братией газетной.
Ты, как невесте от венца,
Газете верен до конца.*

*Поймёт ли кто-то, как мечтали
И как вы слов искали тех,
Чтоб все, волнуясь, понимали
Газетной строчки гнев и смех.*

*Ты в этом племени родился,
Иван Прокопьевич, старый друг,
В газетном горне закалился,
Тебе – пожатые наших рук.*

*В газете нет людей спокойных,
Они там даром не нужны.
Там ценят смелых и пробойных,
Там мысли свежие важны!*

Это стихотворение по моей просьбе показала мне недавно дочь Ивана Прокопьевича Людмила. Оно аккуратно подшито в папку её отцом. Я подарил его другу 20 лет назад, а потом забыл. Часто я писал тогда стихи в одном экземпляре (и, может, правильно делал?!).

ВСЁ ОСТАЁТСЯ ЛЮДЯМ

Некоторые спрашивают, почему так поздно начал И. П. Захаров писать книги. Действительно, примерно из 15 его книг основная часть создана в последнее десятилетие жизни. Остальные годы ушли на сбор материалов и их обработку. За этой фразой – встречи с сотнями людей, работа в архивах и библиотеках, большая переписка с адресатами из самых различных уголков страны.

Возьмём «Географический словарь Сургутского района». Это была неохватная работа – «в грамм добыча, в год – труды». «Словарь» стал итогом множества поездок Ивана Прокопьевича по громадным просторам района за полувековой период. Помогали автору старожилы города

и района, в том числе и мы, его друзья. Всего «Словарь» содержит более 500 статей о населённых пунктах, реках, озёрах района, старых поселениях. И в то же время в авторском предисловии Иван Прокопьевич сокрушается, что словарь его далеко не полон, в районе есть ещё тысячи неупомянутых названий примечательных мест. Да, коротка, к сожалению, человеческая жизнь.

Но и за то, что Иван Прокопьевич Захаров сумел сделать, он заслуживает великой благодарности современников и потомков. Талант и упорство позволили ему написать и последнюю книгу «Летопись народного подвига» об участии жителей Сургутского района в Великой Отечественной войне. Хорошо помогал автору в создании этой книги районный совет ветеранов, но эта помощь была малой частицей в объёме всей «летописи». Работая над книгами, Иван Прокопьевич постоянно звонил и читал отрывки, обсуждал отдельные выводы со многими людьми. На нас он проверял правоту своих суждений и реакцию будущих читателей. Так было и с «Летописью народного подвига». Во многом наши взгляды совпадали, но иногда завязывались споры. Мы совершенно расходились с ним в оценке личности Сталина. Я говорил о миллионах репрессированных по его вине, называл и своего деда, передового бригадира Тундринского рыбоучастка, расстрелянного «за

подготовку теракта против тов. Сталина» в 1938 году (дед и в Москве-то никогда не бывал, а на пароходе только до Омска надо было ехать тогда девять-десять дней, другого же транспорта не было!). Родители самого Ивана Прокопьевича, работающие крестьяне, также были высланы из родной деревни под Уватом. Приводил и другие доводы, но он оставался непреклонным и побе-

*Работа над книгой «Летопись народного подвига».
Слева направо: В. П. Замятин, И. П. Захаров.*

*В окрестностях Сургута. Слева направо: И. П. Захаров,
В. П. Замятин и И. Е. Коровин.*

ду в войне с фашистами во многом считал заслугой Сталина. И всё-таки в чём-то я его убедил, и из книги ушло немало страниц с дифирамбами Сталину и песнями о «вожде народов». Иногда разногласия заходили так далеко, что мы с Иваном Прокопьевичем не звонили друг другу по два-три дня. На большее нас не хватало.

Вспоминаются и споры другого рода. Как-то сошлись мы с Николаем Ивановичем Ездаковым в горьком партии. Я о нём уже писал в самом начале. Давно это было. Иван Прокопьевич похвалил стихотворение Николая Ивановича «Роняют кедровые шишки на песок...». К сожалению, я его так и не знаю до конца. И дёрнуло меня выскочить со своим замечанием, мол, в оперетте Кальмана есть очень похожая строчка «Цветы роняют лепестки на песок...». Что тут было! Пошли рассуждения о плагиате намеренном и невольном. И этот второй, дескать, вообще никакой не плагиат, а просто совпадение мыслей двух умных людей во времени и пространстве. Только доказать это бывает очень трудно. На том и сошлись. Наивно, но всё было так. Зато к преднамеренному плагиату оба журналиста отнеслись крайне отрицательно и воинственно.

«НАСТАНЕТ ДЕНЬ...»

Иван Прокопьевич всегда называл себя большевиком. И был им в самом высоком понимании этого слова. Он восхищался людьми, посвятившими себя бескорыстному служению народу. И это не патетика, таких людей было немало. Его всегда привлекали сильные, цельные натуры, прославившие Сургут, наш край. К ним относил он в первую очередь Василия Васильевича Бахилова, Антонину Георгиевну Григорьеву, Фармана Курбановича Салманова и Валентина Фёдоровича Солохина.

В фотоальбоме «Всё нам дорого в этом городе» он рассказал о тех, кто оставил добрый след в истории нашего города и района. По его же признанию, сделанный им выбор, вполне возможно, субъективен. Будучи природжённым романтиком, Иван Прокопьевич нередко идеализировал своих героев, но в главном, как он не раз утверждал, не ошибался.

Очень верно сказала о самом Иване Прокопьевиче журналистка Н. В. Кифорук: «Рядом с этим человеком улетучивались понятия «карьера», «деньги», «власть»... Ощущались другие ориентиры: доброта, совесть, долг».

Подходя к концу своего повествования, не могу не сказать, что Иван Прокопьевич очень болезненно переживал события в стране в последние десятилетия. В оценке нынешней российской жизни у нас не было разногласий: идёт эпоха намеренного возрождения капитализма, уничтоженного Октябрьской революцией, в самом диком варианте. Олигархи подчистую ограбили народ с благословения верхов и обрекли его на нищету. Люди оказались совершенно беззащитными перед напастями судьбы

и произволом начальников. В самой власти чудовищная коррупция. Остановлены сотни промышленных предприятий. Полностью развалено сельское хозяйство. Безработная деревня спивается. Пьют дети, женщины, не говоря о мужчинах. Распадаются семьи, что ведёт к невиданной беспризорности и преступности. Утрачивается культура народа, нарастает беспрепятственное растление молодёжи. В совершенно унижительное положение поставлена интеллигенция. Плюсы от коренного переустройства российской жизни на рыночный лад пока не идут ни в какое сравнение с отрицательными последствиями непродуманной политики государства.

Под влиянием таких печальных выводов, которые давно набили оскомину читателю, я написал для облегчения души два небольших стихотворения и прочитал их Ивану Прокопьевичу незадолго до того, как он слёт в больницу.

СТЫДНО

*Немало тех, кому от бога
Дано призванье педагога.
Они – творцы, они – поэты,
Хотя разуты и раздеты.*

*Зато какой-то клерк бездарный
Усыпан весь небесной манной.
Никчёмён смысл его трудов,
Но вот зарплата – будь здоров!*

*Молчат правители России
О чём бы их ни попросили.
Когда ж таланты будут чтить
И, как положено, ценить!*

*Учителям до слёз обидно,
Но те спокойны, тем не стыдно!*

ЭЙ, НАВЕРХУ!

*Вместо русских раздольных песен,
Тех, что сердце берут в полон,
Нынче пошлость, да грязь, да плесень
Так и лезут со всех сторон.*

*Лезут геи и лезут блудницы,
Всё запродано – совесть, честь.
Стала сцена грязнее улицы,
Той, что некому больше мечь!*

*А талантам пути заказаны,
Их не любят в родной стране.
Как взлететь, если крылья связаны,
Всё святое горит в огне?*

Иван Прокопьевич помолчал, потом тихо спросил: «А помнишь, как слушали Бернеса? У меня ведь были все пластинки с его песнями. Помнишь «Враги сожгли родную хату»? А «Журавли»?

Помню, Иван Прокопьевич. И не только те, что пел Марк Бернес. Твою любимую «Гляжу в озёра синие» помню. И как верил ты, верю, что придут хорошие времена. Хотя бы для внуков и правнуков.

Как жить без веры?

2005 год

МАТУШКА-ЦЕРКОВЬ СТОИТ...

В тихое утро ранней осени бреду по тундринскому бору излюбленной завьяловской дорогой. Вглядываюсь в причудливое переплетение обнажённых корней могучих кедров, и набегают беспокойные мысли: «А не так ли и в нашей жизни? Разве не так же переплетены и связаны людские судьбы? Разве не так же страстно тянется к солнцу каждый живущий на Земле, чтобы, вырвавшись из тени, ухватить хоть капельку благодатного тепла!»

Каждый тянется, да не каждый дотягивается! И много тому есть причин...

Недвижен лес, не шелохнутся зелёные кедровые лапы. На всём лежит печать раздумья и ожидания чего-то необычного. И оно приходит, приходит мощно и торжественно, и замирает душа, потрясённая до края. Откуда-то издалека, словно что-то нереальное, рождённое из небытия, наплывает праздничный колокольный звон. Ширятся и растут звуки, обнимая всю округу, подчиняя всё своему магическому влиянию. И из глубин забытого детства возвращается светлое умиротворение, навеянное бабушкиными рассказами о первопрестольных праздниках и непередаваемых колокольных перезвонах. Ускоряю и без того быстрый шаг, и вот она, белоснежная красавица – Тундринская церковь.

Многое перевидел этот храм за свою более чем столетнюю историю. Построенный на самом высоком месте трудами прихожан на их пожертвования гордо смотрит он на улицы старинного села, на синие волны Курьи и могучей Оби, на пышную ленту кедрового бора. Всё взято здесь под защиту и покровительство церкви.

С первого дня освящения радовала она людей кипенно ослепительной чистотой и строгой статью своей. Любовались церковью рыбаки и охотники, возвращавшиеся с промысла с богатой добычей. Любовались ханты, приезжавшие из дальних пимских угодий на таком множестве оленей, что их рога торчали, как частокол, во всех улицах. Недаром и на тамге (печати) Тундринской управы красовались тетерев и олень. Любовались пассажиры колёсных пароходов, бороздивших обские воды.

Помнит церковь весёлые праздники и гулянья, разные помнит события, добрые и печальные, из жизни многих поколений тундринцев.

И стоять бы ей так вечно и служить местом общения с богом для всех, кто верит в добро и справедливость!

Но начались потрясения, которые привели божий храм к запустению и надругательству. Как голова казнённого, упал на землю церковный колокол. Видела церковь, как брат шёл на брата, как гибли правые и виноватые, запутавшиеся в междоусобной борьбе.

Видела, как в последний раз ехал на лошади за сеном комсомольский вожак Дмитрий Лукичѳв. «Смиловивились» колчаковцы, разрешили молодому парню напоследок помочь семье. А когда вернулся, расстреляли его вместе с братьями и друзьями-коммунарами. И скрыться ему было нельзя, иначе погубили бы всю родню.

Помнит церковь и расстрел бойцов-красноармейцев из отряда Шимова, попавшего в засаду. Помнит, как замучили и утопили в проруби комсомолку Веру Зорину. И лежат они рядом в братской могиле.

Помнит тундринская церковь и окаянные 37–38-е годы, когда арестовали лучших рыбаков и охотников села и расстреляли в Ханты-Мансийске как врагов народа. Был в их числе и мой дед, Роман Гаврилович, бригадир лова.

Помнит церковь и тяжкие годы войны, и весенний праздник великой Победы. Сколько было радости и сколько выплакано слез!

А потом, уже на моей памяти, тянулись через деревню серые колонны заключённых, и скорбно провожала их церковь. Иногда останавливались они на ночёвку на постоялом дворе и в сельской школе. Обычно эта жуткая серая лента вливалась в деревню зимними сумерками, а уходила на рассвете. Шли по бокам конвоиры в дублёных полушубках. А мы утром, входя в класс, всем ребячьим сердцем чувствовали надвигающуюся на этих людей опасность и отвечали невпопад на вопросы учителей.

Помнит церковь и митинг, когда хоронили председателя сельсовета Степана Ефимовича Кайдалова, которого каждый знал и глубоко уважал. Играл на февральском морозе духовой оркестр, невиданный в наших краях, и эхом отдавались в бору слова прощания.

Помнит церковь и то, что стёрлось и исчезло из зыбкой человеческой памяти и что, к сожалению, нам уже не дано узнать.

Шли годы. Окончилась эпоха репрессий, деревня зажила в обычных хлопотах и заботах. И сочувственно глядела обезглавленная церковь, превращённая в клуб, на труды селян, не приносящие достатка.

Увидела церковь и небывалое наступление на таёжный край, когда закипела Обь от множества судов, заполонивших ее, когда пошли на Омск первые баржи с сибирской нефтью.

А дальше началась перестройка с её метаниями и неразберихой, когда одни обогащались, а другие нищали.

Но верит человек в лучшие перемены, так уж он устроен! И, может быть, они всё-таки наступают, эти робкие перемены к лучшему?

Начинают возрождаться заросшие бурьяном поля. И открылись врата обновлённой тундринской церкви. Той церкви, где крестились и венчались деды и прадеды, где слышали они последнее напутственное слово.

Сияет церковь на радость всем страждущим, кто ищет утешения и успокоения в её стенах, и благодарит тех, кто вернул ей первоначальную красоту и величие.

Дай Бог, чтобы не рождались на Земле разрушители, а было бы побольше созидателей. Дай Бог, чтобы каждому живущему хватило места под солнцем!

1999 год

ЗОРИ ВЕСЕННИЕ НЕПОЗАБЫТЫЕ

Как сейчас, вижу живые картины раннего послевоенного детства. И одна из самых незабываемых – ловля уток в плохах*. При воспоминании об этом увлекательнейшем промысле меня охватывает нестерпимое волнение. И хочется немедленно вырваться из шума дымных городских улиц и бежать не чуя ног в заповедные места, что рядом с родным селом Тундрино.

Но лучше обо всём по порядку.

В то трудное время, когда ещё и хлеб выдавался по карточкам, когда нужду терпела каждая семья, всех жителей района спасали дары щедрой северной природы. Тундринцам в этом отношении особенно повезло. С южной стороны полукольцом охватывает село богатый кедровый бор, с северной – обильная рыбой Курья*, за которой синеет Обь с её многочисленными песками* и протоками.

Конечно, последствия войны сказывались буквально на всём укладе деревенской жизни. Люди трудились, не жалея сил, хотя заработки были очень невелики. Мало чем отличался достаток тундринцев, занятых в рыбацкой артели, носившей имя Сталина, от тружеников колхоза «Новый мир» в соседнем селе Высокий Мыс или Тундринского рыбоучастка, прославившегося своими уловами как в военные, так и последующие годы. Все, от мала до велика, ходили в ватных телогрейках-фуфайках, и лишь редкие счастливики щеголяли в пальто и полушубках. А уж о нас, мальчишках, и говорить нечего. Выдавались каждому на всё лето одни, сплошь залатанные штаны, обувь же в тёплое время считалась

Окрестности Тундрино. Курья.

роскошью. Босиком начинали ходить сразу, как сойдёт снег и немного прогреется земля, и так до середины сентября, до первых холодов. Зато получали такую закалку, что редко кто простывал и болел. Зато могли, не морщась, бегать по скошенным лугам, не поранив ноги о стерню.

По вечерам, уже в поздних сумерках, зажигали керосиновые лампы. При их тусклом свете готовили уроки и читали, но не засиживались допоздна, потому что взрослые рано их тушили, жалея керосин. Об электричестве только мечтали.

К весне во многих домах заканчивались картошка и мясо, да и рыба после зимнего замора* на Оби водилась далеко не в каждом доме. Сколько было радости, когда макали за столом картошку в соль и постное масло или рыбий жир. О фруктах и представления не имели.

И все грезили весной, ждали её, мучаясь бессонными ночами. Вспоминали бесчисленные рыбацкие и охотничьи приключения. Кто чинил сети, кто пристреливал ружье и заряжал патроны, кто налаживал перевесы* и смолил обласа* и лодки.

Об охотниках на уток говорили с лёгким пренебрежением, мол, зря переводят патроны. В одиночных чирков и других мелких уток не стреляли, пока не сплывутся на выстрел две-три птицы – «пари́ли» или «трои́ли». Зато большим уважением пользовались завзятые гусевальщики, в первую очередь, Иосиф Семёнович Помелов, председатель рыбартели, и Фёдор Ильич Редикульцев из деревни Сармановка. Привозили они с весновки* в удачные годы по 150–200, а то и 300 гусей. А в 1947 году, по свидетельству старожилы и заядлого охотника, влюблённого в наш край, Октября Ивановича Целикова, председатель И. С. Помелов настрелял аж 700 гусей. Половину из них он сдал в местный рыбокооп. Видимо, этот рекорд так и остался непревзойдённым в гусяной охоте.

Не менее популярным и уважаемым промыслом в те годы была всеместная ловля уток перевесами в плоха́х*. Хорошими вёснами умелые ловцы добывали до полутора-двух сотен уток. Их, как и гусей, вялили, солили и коптили впрок. Семьи в те времена, не в пример нынешним, были весьма многочисленными, и запасы уток старались растянуть на всё лето, до осенней охоты.

На этом виде промысла я и хочу остановиться подробнее. Перевес – мелкая сеть-сороковка шириной и высотой от 15 до 17 метров – устанавливался в местах наибольшего перелёта уток. Для этого поперёк высокой гривы*, окружённой речками и озёрами, вырубалась просека – плоха. По краям плохи на растяжках ставились журавцы – высокие жердины-слегги с блоками наверху, через которые пропускались шнуры для поднятия и опускания перевеса. Шнуры эти назывались вожжами. На высоте человеческого роста под перевесом на всю его ширину укреплялась на кольях

крупная сеть с ячейей около полуметра – подтон (поддон), образуя при падении перевеса мешки, в которых запутывались утки.

Ловили перевесами в основном женщины, старики и дети. А мужики в силу тем временем занимались рыбной ловлей, ведь шла самая добычливая весенняя страда.

Устраивались плохи как на своей стороне, так и за Обью. Те, чьи плохи были за рекой, забрасывались туда со всем необходимым имуществом ещё по льду на лошадях. Там и оставались до свежей воды, до ледохода, а лошадей отправляли обратно. Ближние, «домашние», плохи располагались по речке Яскиной, примерно в шести километрах от Тундрино. Здесь было семь плох, все они носили имена владельцев: Кайдаловские (Градские), Маневинские, Федуловские, Торопчиновские, Завьяловские, Замятинские плохи. По протоке Перетоп промышляли братья Щепёткины – Григорий и Василий. Их плоха называлась Пашенькиной, по имени матери.

Обские плохи находились напротив рыбоучастка, в основном по протоке Солдатка, что течёт в Обь из реки Пим. Назывались они Крадинские, Красные, Квашнинские, Фёдоровские, Нараинские. «Весновали» в этих плохах семьи Н. К. Пименова, И. Т. Слинкина, К. Г. Шевелёва, А. И. Гришечко, а также Михаил Коваленко с сыновьями и Валентином Прохоровым.

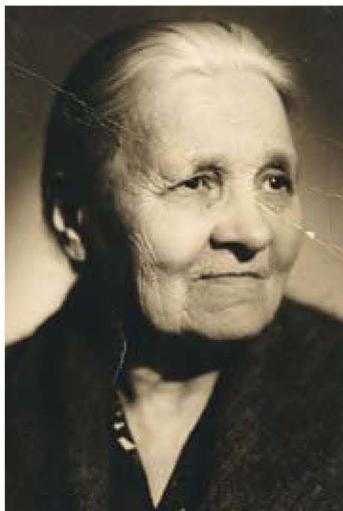
Добыча уток давала весомый прибавок к семейному столу, но не каждая семья была в состоянии иметь свою плоху. Недавно прошла война, во многие семьи не вернулись кормильцы, да и чтобы сделать хороший перевес и обустроить плоху, требовалось немало умения и сноровки. Не каждому это было под силу. Перевесы недёшево стоили, их берегли, и они служили много лет. Плохи из поколения в поколения передавались по наследству. Некоторые владельцы плох по различным причинам (занятость, слабое здоровье) сдавали их на время желающим, причём обычно бесплатно. К примеру, семья Целиковых промышляла в Кайдаловской плохе, принадлежавшей Степану Ефимовичу Кайдалову, председателю сельсовета. Нередко «перевесчики» делились добычей с соседями, не имевшими промысловых угодий. Люди, несмотря на трудное житьё, помогали друг другу всем, чем могли.

И вот наступало заветное время. Ещё случаются снежные бури, а по небу с радостными кликами уже плывут, как белые корабли, первые лебеди. Тянутся вслед за ними косяки крупных гусей – буряков. А на речных живунах* счастливики уже полюбовались брачным нарядом крякв – селезней.

Значит, пришла пора, окончились томительные дни ожидания. У всех жителей деревни какое-то приподнятое суматошное настроение. Идёт завершающая подготовка к первому походу в плохи, и каждый стремится

внести в неё свою лепту. Мы, мальчишки, делаем всё, чтобы угодить родителям и вырваться на утиную охоту.

Наконец, отряд выступает. Впереди отец, крепкий, высокий, похожий на цыгана, за ним бабушка моя Анна Петровна и тётка Мария. Я, семилетний пацан в неуклюжих, сваливающихся броднях*, иду замыкающим. Доходим до Перетопа, пока ещё нешироко разлившейся протоки. Перебираемся через него по старому неводнику. (Позже здесь установят «перетягу» – лодку с двумя шнурами от берега до берега.) Рядом, рукой подать, – Яскина речка. Преодолеваем и это препятствие, и скоро, усталые, усаживаемся на лавку в избушке, в таком тёплом и родном приюте. Торопясь и обжигаясь, пьём чай, заваренный веточками смородины, и бежим в плоху. Подновляем прошлогодний скрадок*, устроенный на краю просеки. Рвём старую траву, устраивая поудобнее своё «гнездо». Вот и перевес поднят, и вожжи от него закреплены на палочке-роженке. Всё готово. Главное теперь – вовремя выдернуть роженок, чтобы перевес опустился в нужный момент. Опоздаешь – утки ударятся в натянутый, как стена, перевес и «пробьют» его или уйдут в сторону. Потому и опускается перевес на сажень от приближающихся птиц. Тогда он накрывает их и падает на подтон.

*Любимая бабушка Анна Петровна
Замятина, 1966 г.*

Отец даёт последние напутствия и уходит ставить сети. Мы с бабушкой остаёмся вдвоём. Тётке Марии выпало кашеварить в избушке.

Солнышко ещё ходит высоко, и делать нам пока нечего. Отовсюду доносится залихватый пересвист больших и малых птах, устраивающих свадьбы, неистовое блеяние козодоев – «поднебесных барашков», пикирующих с высоты.

Жую завалившийся в кармане ржаной сухарь, а бабушка, великая рассказчица, «бахарит»* о житье-бытье. Разговор её часто перемежается словечками и выражениями, которые понятны далеко не каждому. Это свой местный говор-язык, унаследованный от предков-казаков и разбавленный приезжими поселенцами из необъятной России.

«Ты, Валька, как перевес опустим, беги по́сох в голову* и пулей* уток имай*. Да не канителься, голову им сразу закусывай». Посидит и опять: «А чё ты ногами скёшь*, ну-ка снимай бродни*. Пошто ноги-то у тебя ю́ша-ю́шей*, полнехоньки воды. Будешь теперь кафы́кать* всю ночь.

Ну и безуёмный*. Вытарашишь глаза и бежишь, как дикошарый*, язви тебя в душу. Вот возьму вицу (прут), да как жогну*!» Достает мне тёплые сухие носки и долго ещё продолжает ворчать. А я, отвернувшись в сторону, чтобы она не видела, тихонько посмеиваюсь. Знаю, что в жизни меня бабушка пальцем не тронет, а ворчит от доброты, да чтобы скрыть волнение в предчувствии охоты.

Невыносимо медленно угасает день, опускается солнышко в Яскину речку. Где-то там отец ставит сети, а мы бдительно всматриваемся в темнеющее небо. Всё замерло на заре.

И вот они – первые вестники вечернего лёта. Стороной пронесётся табунчик чирков-свистунков, слышится кряканье на дальней лыве*. И уже совсем рядом, из-за гривы, отсекая посторонние звуки, врывается озорной посвист весёлых связей*. Бабушка выдёргивает роженок, и со звоном падает перевес, но мы оба, отчего-то растерявшись, продолжаем сидеть в скрадке.

«Пошто ты сидишь, как зимний филин!* Дуй к перевесу, нюхнёра!*» И я дую – со всех ног. На подтоне, запутавшись в мерёже*, кувыркаются красавцы-связи. Их штук пять-шесть. Хорошая добыча! Дрожащими руками выпутываем птиц. Я с отвращением (потом привыкаешь) пытаюсь закусить им головы, но не выдерживаю такой пытки, и бабушка сама из-за отсутствия зубов перекручивает уткам шеи. Кидаем добычу в мешок и, возбуждённые, усаживаемся в скрадок*. Почин сделан. Потом прилетает парочка чернетей*, и наступает ночь. А может, ночи и не было! Казалось, всё живое вокруг буйствует и ликует. Высоко над нами с нескончаемыми разговорами тянутся к дальнему Северу огромные станицы пернатого народца. Так и слышится, как истосковались усталые птицы по родным гнездовьям.

Уже пора бы пойти в избушку и отдохнуть до утренней зари. Но так хороша ночь и так велик азарт, что мы остаёмся. Резко похолодало. Весенняя сырость пробирает до костей. Бабушка укутывает меня в старую малицу* и учит уму-разуму: «Не вертись, как шемела’*, а слушай. Полетят гуси или лебеди, опускай перевес загодя. А то всё придерут* и отстрадаем кошельком и деньгами*. А отец придёт и «похвалит»: «Молодцы, угоили* перевес!». Я особенно не вслушиваюсь, слышал уже эти рассказы: в одной плохе орёл порвал полперевеса, в другой – лебеди вынесли всю середину. Глаза от долгого напряжения слипаются, и бабушкин голос доносится уже откуда-то издалека. И тут опять звенит перевес, на этот раз попался крупный селезень.

К утру становится совсем немоготу, но в душе не проходит радость от удачной ловли. Прямо перед глазами замаячил вдруг табунок уток. Выхватываю роженок из бабушкиных рук и бегу за добычей. Но пере-

вес пуст. «Ты пошто перевес-то опустил? Кого узрел?» Я молчу. Дошло до меня, что не утки летели, а кружились перед моими сонными глазами какие-то мошки-мотыльки. Успокаивается бабушка. Светлеет звёздное небо. Ещё два раза падает перевес, и кончается утренняя зорька. Гордые, идём к избушке. Я еле волочу мешок, но бабушке не отдаю. Тлеет затухающий костёр, а из избушки доносится здоровый храп. Видно, намаялись добытчики, напились чаю да уснули. Бабушка быстро поднимает всех на ноги: «Каво дрыхнете, разъязви вас в пучину! Белый свет на дворе».

Надо отметить, что исконные сибиряки-тундринцы не любят ругаться забористо, с выкрутасами. Знают, конечно, как сказать, но матерщинников, особенно при детях, не терпят. «Подь ты к чёрту или к холере» да «язви тебя» – основной набор их бранного лексикона. Долго бы качали головами те тундринские мужики и бабы, когда б услышали, что льётся нынче с голубого экрана.

И вот уже запольхал костёр. В большой котёл каждый бросает по утке, и далеко слышится аромат аппетитного варева. Ведём разговор с друзьями-сверстниками, сидевшими в других плохах. Никого не обошла охотничья удача!

Слышно, как кто-то едет на обласе* по речке. Спотыкаясь о кочки, бегу встречать отца. Облас уже у берега, и в нём изгибаются и трепещут огромные щуки, сороги и караси. Не выдерживаю и хвастаюсь нашими с бабушкой успехами. С довольным отцом присоединяемся к компании едоков вокруг костра. Со всех сторон слышатся шутки и смех.

Закончился счастливый день моей первой весенней страды. Пора домой.

Далёкое и близкое... Как всё смешалось!

*Зори, зореньки весенние,
Вы зачем пришли-нахлынули,
Воротились из забвения,
Обожгли и душу вынули!*

* * *

Уже в недавние годы удалось мне прочитать об утином промысле перьевыми у известными сибирских исследователей А. А. Дунина-Гаркавича и С. П. Швецова в трудах «Тобольский север» и «Очерк Сургутского края», изданных в начале XX века. Их описания во многом соответствуют тому, что увидел я через пятьдесят лет. Только дичи стало несравненно меньше! Потому постепенно заглох этот промысел, а к середине пятидесятых годов и вовсе угас и попал под запрет.

Но что было, то было...

ОГОНЬ НАД ТРОМ-АГАНОМ

Как-то в октябре, в начале семидесятых годов, приехали мы с Василием Лаврентьевичем Куйдой, в то время заведующим районным отделом культуры, в деревню Русскинская. Я тогда работал заведующим районо.

Ближе к вечеру, завершив дела, встретились со старым знакомым, охотоведом Сашей Ядрошниковым. Разговорились об охоте, рыбалке. Вспомнили старину, забытые виды промысла. И зашла речь о добыче рыбы острогой, добыче экзотической, но не одобряемой рыбоохраной. Надо сказать, в Среднем Приобье, насколько мне известно, острожением рыбы (лучением) никто никогда не занимался. Для этого пригодны мелководные

Александр Павлович Ядрошников.

прозрачные речки, а не глинистые мутные воды Оби и её притоков. Тем большее удивление и восторг вызвало у нас Сашино предложение испытать судьбу и попробовать порыбачить острогой на Тром-Агане.

Когда стемнело, заехали на лодке в широкий, но мелкий залив-урей. На носу, на железной решётке, развели огонь. Я тихонько грёб, а Саша стоял впереди с острогой – тонким шестом с копьём и жалом на конце.

В осенней непроглядной ночи яркий огонь выхватывал то один, то другой участок воды, просвечивающей насквозь. Всё дно реки было устлано разноцветным ковром из опавших листьев. Стояла уже предзимняя пора, приближался ледостав, и потому вода приобрела небывалую прозрачность. И как на полотне художника, словно выполненные акварелью, двигались в огненных лучах загадочные силуэты нереально больших рыб – щук, язей, окуней, сорог.

Честное слово, как в подводной одиссее капитана Кусто! Кажется, протяни руку и дотронешься до серебристой чешуи язя или красного окуневого плавника.

Вот она, большая дремлющая щука. Мелькнула острога, и через секунду добыча в лодке. За щукой упали к нашим ногам другие представи-

тели рыбьего царства. Необычность этой рыбалки заключалась и в том, что рыбу можно было выбирать на любой вкус по виду и размеру.

Саша не сделал ни одного промаха и за несколько минут, как из аквариума, натаскал рыбы на добрую двойную уху. Мы только качали головами, любуясь его ловкими движениями. Никогда больше не довелось мне наблюдать такого захватывающего зрелища!

Пришёл и наш черёд испытать себя. И мы испытали и убедились, как далеко нам до нашего учителя! Обманула кажущаяся простота этой охоты. Промах следовал за промахом. Преломление света в воде искажало истинную картину, и неверная рука направляла острогу совсем не туда, куда следовало бы.

– Что-то у вас, братцы, ничего не получается! – говорил Саша.

– Да уж, – в отчаянии соглашались мы.

– Кажется, так просто, и почему только рыба уплывает!

Мы избородили урей во всех направлениях и лишь с великим трудом сумели наколоть на острогу по одной рыбёшке.

Но наше настроение эти неудачи не очень омрачили. Впереди была душистая уха, наваристая, с дымком, на высоком берегу Тром-Агана, поросшем соснами и берёзами.

Саша рассказывал приключившиеся с ним охотничьи истории. Захмелевший от вольного лесного воздуха и чарки крепкого вина Василий Лаврентьевич, старый фронтовик, пел красивые песни о страданиях мятущейся русской души, о нашем крае, о нефтяных королях. Пел мужественно и душевно, как умеют петь много пережившие и повидавшие люди. Падали звёзды в воды божьей реки – древнего Тром-Агана, и тихо шумел ветер в верушках сосен.

Давно уже нет Василия Лаврентьевича.

Александр Павлович Ядрошников стал директором созданного им в Русскинской музея Человека и Природы. Тонкий ценитель и знаток северной тайги, он сумел воплотить в жизнь свою мечту.

А у меня в глазах так и стоит незабываемая осенняя ночь, и слышатся слова песни: «Но грустить нам некогда, ведь до моря Карского тянется Тюменский наш меридиан, наш Тюменский меридиан...».

Мастер за работой.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО ГОВОРА, УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ба́кен – укреплённый на якоре сигнальный плавучий знак для обозначения фарватера и мелей.

Бало́к – жильё, построенное как временное из подручных материалов, чаще всего обшитое толем.

Баха́рить – беседовать, разговаривать.

Бежа́ть по́сох в голову – очень быстро бежать.

Безуёмный – не знающий меры, безудержный.

Бро́дни – обувь рыбака с высокими голенищами, непромокаемая.

Весно́вка, весно́ва́ть, – рыбачить или охотиться весной.

Гре́би – вёсла.

Гри́ва – высокое лесистое место.

Дикоша́рый – неуправляемый, безрассудный.

Живу́н – незамерзающее место на поверхности водоёма.

Жо́гнуть – ударить, щёлкнуть.

За́водь – небольшой залив реки с медленным течением.

Зако́ски – речные отмели.

Замо́р – массовая гибель рыбы из-за недостатка кислорода в водоёме.

Зи́мний фи́лин – неподвижный, угрюмый, молчаливый.

Изба́ч – работник избы-читальни, библиотекарь.

Има́ть – ловить.

Ка́рча – коряга.

Кафы́кать – кашлять.

Коло́к – роща в поле или среди пашен.

Коса́ – низкая и узкая намывная полоса суши, выступающая в сторону водоема.

Коте́ц – устройство для ловли рыбы.

Кумир – имеется в виду И. В. Сталин.

Ку́рья́ – заводь, речной залив, глухой рукав реки.

Лежнё́вка – поперечно уложенные стволы деревьев в топких местах для проезда тяжёлой техники.

Лито́вка – вид косы, инструмента для ручного кошения травы.

Лы́ва – небольшая низинка с травой-муравой, затопляемая весной.

Ля́ма (разговорное) – название реки Лямин.

Ма́лица – мужская зимняя одежда, сшитая мехом внутрь.

Ма́рево – мираж, призрачное видение, туман.

Ме́ржа – ячеистая заготовка для изготовления и ремонта сетей и неводов.

Мо́лох – страшная ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

Мур – зелёная трава.

Не каните́лься – не мешкай.

Нюхнёра – ленивый, нерасторопный человек.

Облас – лёгкая хантыйская лодка, выдолбленная из целого дерева.

Окаёмы – кайма.

Остя́ко-Вогу́льск город, – ныне город Ханты-Мансийск.

Отстрада́емся кошельком и деньгами – останемся ни с чем.

Пере́ве́с – сеть для ловли птиц.

Пески́, песок – в данном случае часть реки с чистым ровным дном, пригодная для лова рыбы неводами или плавными сетями.

Пим посёлок – ныне город Лянтор.

Плав – ловля рыбы плавной сетью.

Плашко́ут – самоходная баржа.

Плоха́ – просека, где устанавливали сети для ловли птиц.

Пого́ст – кладбище.

Подову́шка – рыба, жареная на костре или углях.

Приде́ру́т – порвут.

Пу́лей что-то делать – делать быстро.

Пути́на – время, в течение которого производится массовый лов рыбы.

Районо́ (сокр.) – районный отдел народного образования.

Сви́язь – порода уток.

Скёшь ногами – елозишь.

Скрадо́к – укрытие охотника.

Снасть – рыболовное снаряжение.

Сор – низкий берег реки, обычно затопляемый в паводок.

Споло́х – название северного сияния, зарницы, в данном случае – озарение.

Стан рыбацкий – обустроенное место стоянки рыбаков.

Тальни́к, тал – ива.

Трак – звено гусеничной цепи трактора, танка.

Три́зна – поминовение усопших.

Уго́ить – в данном случае испортить что-либо.

Уда́рник – в данном случае человек, который ударно, то есть хорошо трудился.

Урей – ручей.

Урма́н – тайга.

Фал – рыболовный прочный шнур.

Хале́й – крупная речная чайка.

Черка́н – ловушка на мелкого пушного зверя.

Че́рнеть – нырковая утка.

Чум – переносное жилище хантов.

Шемела́ – непоседа.

Ю́ша-ю́шей – мокрый, сырой.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указатель включает имена героев стихов и очерков. Цифры отсылают к страницам книги.

- А**верина В. А. 128
 Алексеев Л. Г. 127
- Б**акшеев А. М. 138
 Балалаева Ю. М. 124, 127
 Бахилев В. В. 94–95, 131, 143
 Беженарь О. 120
 Белкина Н. А. 127
 Берзегова Ж. М. 120
 Бернес М. 19, 143
 Бжецов Р. Н. 120
 Бжецова Е. Х. 102, 120, 138
 Бокова Л. 139
 Боровиков М. Г. 138
 Буслаев В. В. 128
- В**остокины (семья) 119
 Вторушина Н. Ф. 120
- Г**ареев Ф. Г. 128
 Голипад Н. И. 140
 Голова В. С. 128, 132
 Гололобова Л. А. 132
 Гостюхина Г. П. 128
 Григорьева А. Г. 143
- Д**аурских А. 120
 Добрынина Е. Ф. 124
 Доржеев С. 119
 Друганова А. Г. 126
 Дунин-Гарнавич А. А. 153
- Е**здаков Н. И. 133, 134, 143
- Ж**енетль С. Г. 128
 Жученко Л. Ю. 127
- З**аболотнева Н. 139
 Зайцева А. Н. 127
 Замятин Р. Г. 116–117, 121–122, 142
 Замятин Р. В. 99
 Замятина А. П. 116, 151–153
 Замятины (клан) 116–132
 Захаров И. П. 98, 132–145
 Захаров Л. А. 129
- Золотухина Л. И. 128
 Зорина В. 146
 Зубарев А. П. 140
- И**ванов А. А. 134, 137, 139
 Иванов П. С. 126
- К**айдалов С. Е. 121, 133, 147, 150
 Кайдалова Л. Ю. 120
 Калагурова Р. И. 124
 Калентьева Е. И. 133
 Калмыкова Г. М. 120
 Кантеров Е. 120
 Кантеровы (семья) 119
 Карпович Г. Н. 120
 Кашин Г. И. 132
 Киселёв В. В. 139, 140
 Кифорук Н. В. 143
 Козлов Н. 139
 Колосов Н. Ф. 124
 Комф А. 131
 Кондрякова Г. В. 134, 139
 Конев Л. А. 123, 125, 131
 Копылова К. С. 127
 Коровин И. Е. 95, 131, 132
 Корчёмкин В. С. 140
 Кошелев А. С. 128
 Кошелев Г. С. 127
 Кошкарова В. Ф. 132
 Крепышева М. 139
 Кузнецов П. В. 124
 Кузнецова М. З. 124
 Куйда В. Л. 154, 155
 Кулешов А. 131
 Курбанов В. Н. 129
 Кушников В. В. 128
- Л**агонская Л. Н. 124
 Лежнёв П. И. 140
 Логинова Е. 131
 Лукичёв Д. 146
 Лучинина А. Н. 128

Макущенко Д. В.	129, 132
Малышкин М. М.	126
Малюгин С. Д.	132
Медведев И. Е.	138
Молдаванова Ф. Т.	120
Мунарев П.	24
Муталипов С. К.	120
Николаенко В. И.	128
Новопашин Н. Ф.	120
Осколков В. Г.	135
Пархомович П. М.	128
Перевалова Т. Н.	120
Пермитовы (семья).....	123
Пиотровский Г. М.	117
Питер М. И.	126
Поветин Б. Б.	129
Показаньев Ф. Я.	24
Помелов И. С.	149
Попов А. Н.	120
Працюк М. Н.	128
Проводников Б. А.	135, 139
Прохорова В.	131
Редикульцев В. Ф.	131
Редикульцев Ф. И.	149
Резяпова Г. А.	132
Рихтер О.	131
Романов П. И.	124
Ромашко В. А.	120
Ромашко З. А.	96–97, 120
Рязанов А. Н.	129
Сазонов А. В.	131
Салманов Ф. К.	143
Салтанов В. Т.	123
Сарычев А. В.	131
Свиридов А. И.	120
Семёнов В.	139
Сенькина З.	139
Сергеев Д.	97, 131
Сидоров В. С.	127
Сидорова О. Ф.	127
Ситников Ю. Т.	127
Скипин И. Н.	127
Скутин З. Т.	128
Слюняев Н.	126
Соболева Н.	120
Соколова Т. М.	128
Солохин В. Ф.	143
Сосунов Ю. А.	127
Сталин И. В.	10, 142, 143
Степанова А.	139
Ступников В.	131
Суханов П.	103, 116, 131
Сухомлинский В. А.	123, 128
Тен В.	139
Торопчинов А. И.	100-101, 135
Тотолин Ф. В.	121
Триннель Л. Р.	131
Урушев О. А.	129
Федулова С. В.	120
Филистович О. В.	120
Харалгин П. З.	124
Хомылев И. Н.	120
Хохряков В. С.	126
Хохрякова С. А.	120, 123, 128
Цареградская Л.	139
Целиков О. И.	131, 149
Черкашин С. А.	132
Чечёткина Н. А.	124
Чирухин В.	131
Чувакин С.	121
Швецов С. П.	153
Шевелёв К. А.	138
Шевелёва М. А.	120
Шевелёва Р. Н.	120
Шишкина Г. Л.	127
Шпакова К. В.	139
Шпенёв Г. И.	120
Ядрошников А. П.	132, 154-155
Яковлев А.	120
Ярков Ю. Г.	127
Ярош И. А.	129
Ярошко А.	139

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В алфавитном порядке расположены географические названия.
Цифры отсылают к страницам книги

Белый Яр, п.	22
Верхне-Мысовая, п.	136
Высокий Мыс, п.	8, 10–11, 14, 16–17, 119, 121, 148
Курья 8, 116, 119	
Ленинград, г.	124
Локосово, с.	136
Лямина, д.	30, 123, 125, 128
Новокузнецк, г.	122
Обь, р.	8, 15, 60–61
Песчаный, п.	123, 125, 127
Рускинская, д.	155
Сармановка, д.	149
Сургут, г.	23, 27, 28, 108, 125
Сургутский, р-н.....	12–13, 26, 78
Сытомино, с.	125, 126, 127
Тром-Аган, р.....	135, 155
Тундрино, с.	8, 17, 116, 125, 145–147, 148
Юган, р.	135

Принятые сокращения:

г. – город	р. – река
д. – деревня	р-н – район
п. – посёлок	с. – село

Валентин Замятин **Тропой судьбы моей**

Сборник стихов и очерков Художник – В. В. Ступников
Корректурa: Н. Иванова
Художественное оформление и макет: О. Просина

Подписано в печать 20.08.15, формат 60x90 1/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10. Тираж 250 экз. Заказ № 655. ISBN

ООО «Акварин» тел. /343/ 262-47-12

ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13, тел. 355-30-43
<http://www.uralprint.ru> manager@uralprint.ru

